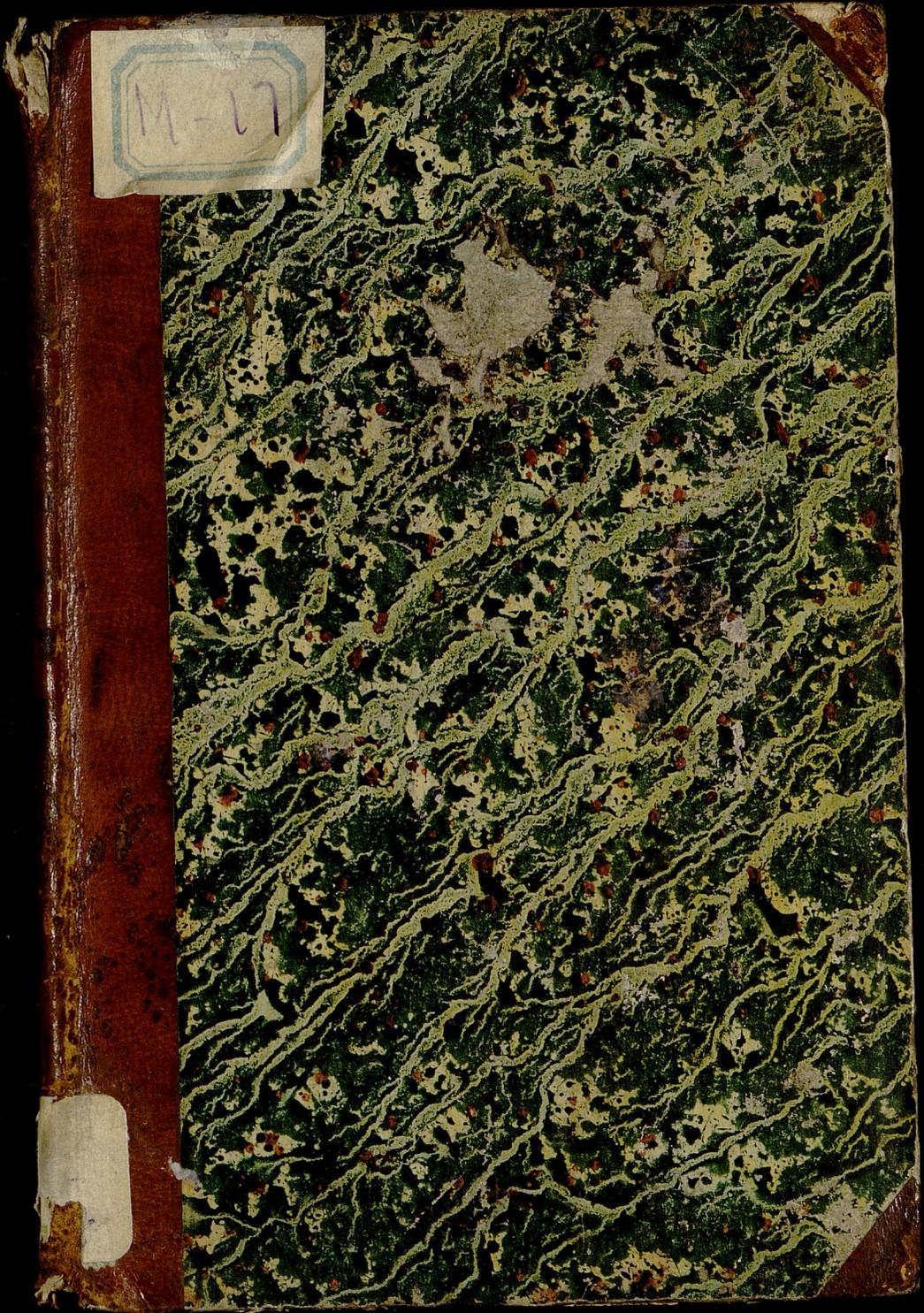

M-17

БИБЛИОТЕКА

О. д. д. ср. Высшимъ Жен-
скимъ Курсамъ.

Классъ..... XIII ~~VI~~ XXI
Полка..... 6 ~~9~~ 5
Место..... 18 ~~17~~ 14

БМ К
6
5

23/10

mm

Самое интересное у нас в жизни ?

+

M-17

БМ К.6.5

П Ъ С Н Ъ

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ,

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

изъ лекцій о Русской Словесности, читанныхъ
1835 года въ Университетѣ Св. Владиміра Орди-
нарнымъ Профессоромъ

М. А. Максимовичемъ.

4550

(Напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго
Просвѣщенія въ Апрельской и Іюньской книжкахъ 1836
и въ Генварской 1837 года.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ

1837.

M B C H B

O HARRY HOBBS

WINDMILL PASSAGE

THE HOUSE OF COMMONS
IN PARLIAMENT ASSEMBLED
THAT THE SEVERAL ACTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED

THE HOUSE OF COMMONS
IN PARLIAMENT ASSEMBLED
THAT THE SEVERAL ACTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED

THE HOUSE OF COMMONS
IN PARLIAMENT ASSEMBLED
THAT THE SEVERAL ACTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED
BY THE SEVERAL PARLIAMENTS
IN THAT BEING PASSED

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

(Изъ лекцій о Русской Словесности, читанныхъ 1835 года въ Университетѣ Св. Владимира Ордин. Профес. Михаиломъ Максимовичемъ).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Пѣснь о Полку Игоревѣ есть драгоценный памятникъ Русской Поэзіи въ концѣ XII вѣка (*). Въ Исторіи Словесности нашей должно обращать особенное вниманіе на сію Пѣснь: ибо, кромѣ общей либературной важности, ею разделяемой наравнѣ съ прочими нашими древними произведеніями, она важна, какъ единственный до насъ дошедшій письменный памятникъ самородной Древней Русской Поэзіи, блестящій яркими красотою поэтиче-

(*) Можетъ быть, она сочинена и въ 1202 году, какъ полагають Г. Грамматинъ; но такая малость не дѣлають разницы въ числѣ вѣка.

скими, и вмѣстѣ съ пѣмъ полный истиною историческою. Эпо первообразъ самобытной Русской Эпической Поэзіи, и въ духѣ, и въ формахъ.

Кромѣ того, для Исторіи Словесности нашей она важна какъ единственныи источникъ, въ которомъ сохранилось извѣстіе о славномъ, *вѣщемъ Боянѣ*, нѣскольکو его выражений, и указаніе на нѣкопторыхъ Русскихъ Князей, въ честь коимъ воспѣны были у насъ пѣсни, можешь бышь симъ же *пѣснотворцемъ стараго времени*. Но пѣвецъ Игоря, сохранивъ для насъ славное имя Бояна (которое одно только и извѣстно намъ (*)), самъ оспался безыменнымъ, подобно пѣвцамъ народной нашей Поэзіи.

Наконецъ Пѣснь Игорю, какъ вѣрное выраженіе своего времени, важна для самой Исторіи Древней Руси и своимъ современнымъ взглядомъ на порядокъ вещей, на разныя событія и лица, и даже нѣкопторыми подробностями, кромѣ ея нигдѣ не сохранившимися.

Прежде, чѣмъ спланемъ разсмаширивать самую Пѣснь, я изложу исторію ея извѣстности въ Литературѣ нашей и назову Писателей, посвящавшихъ ей пруды свои.

Въ первый разъ она вышла въ свѣтъ въ Москвѣ, 1800 года. Ее издалъ извѣстный Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ подъ названіемъ *Ироическая Пѣснь*, съ переводомъ, въ которомъ принимали участіе А. О. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Пѣснь сія опыскана 1795 года, въ

(*) Объ этомъ говорено въ предшедшей лекціи.

спаринномъ сборникъ, гдѣ послѣ *Книги, глаголемой Гранаграфъ* (п. е. Хронографъ), списаны были еще 7 спашей, въ помѣ числѣ подѣ № 5 и *Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святъслава, внука Ольгова*. Сей сборникъ, писанный въ листъ на лощеной бумагѣ, Графъ Мусинъ-Пушкинъ приобрѣлъ у Ярославскаго Архимандрипа Іоиля, для своей богатшой Русскими древностями Библиотеки, которая къ сожалѣнію сгорѣла въ 1812 году на Московскомъ пожарѣ, а съ нею погибъ и сборникъ, вмѣщавшій въ себѣ единственныи списокъ Пѣсни Игорю.

Сія рукопись, по свидѣтельству извѣстнаго знатока сего дѣла А. И. Ермолаева, была писана полууспавомъ XV вѣка; другіе очевидцы (по словамъ К. Ѳ. Калайдовича) почеркъ ея признавали Бѣлорусскимъ, не восходящимъ далѣе XVI вѣка. И такъ Пѣснь Игорю можемъ почищать дошедшею до насъ въ списокъ, принадлежавшемъ къ концу XV или къ XVI вѣку.

Первое извѣстіе о ней напечатано было въ *Spectateur du Nord* 1797, по словамъ коего Пѣснь Игорю можно сравнивать съ лучшими Оссіановскими Поэмами. По выходѣ въ свѣтъ, она обратила на себя большое вниманіе, которое выразилось сначала болѣе восхищеніемъ, нежели ученымъ изслѣдованіемъ: ибо только извѣстныи нашъ Писатель А. С. Шишковъ въ 1805 году напечаталъ ее впрочемъ съ новымъ прозаическимъ переводомъ и нѣкоторыми примѣчаніями; другіе же, а именно Сѣряковъ (1803, С. П. Б.), Палицынъ (1808, Харьк.), Язвицкій (1812, С. П. Б.), Левипскій (1813,

С. П. Б.), переводили ее стихами, въ которыхъ Поэзія подлинника ошевѣчивалась шускло.

Карамзинъ ввелъ ее въ свою Испорію Государства Россійскаго, гдѣ помѣспилъ и разныя примѣчанія, соснавліяющія начало Испорической Крипики сей Пѣсни.

Московское Общеспво Любиспелей Россійской Словесности предложило вопросъ: на какомъ языкѣ писана Пѣспъ о Полку Игоря? К. О. Калайдовичъ, подъ именемъ *неизвѣстнаго*, въ 1817 году написалъ *Опытъ рѣшенія* (Труды Общ. Л. Р. С. Ч. XI), служащей началомъ Филологическихъ ея изслѣдованій. Она почипаеспъ языкъ Пѣспни Игорю подобнымъ языку библейскому, сходнымъ съ языкомъ нашихъ лѣтописей, грамошъ, и полагаеспъ, что она сочипена върояшно въ нынѣшней Малороссіи.

Р. О. Тимковскій много и долго занимался полнымъ изслѣдованіемъ сей Пѣспни, и уже приготоовилъ было къ изданію свой трудъ; но по смерти его (1820) не оспалось и слѣда его изысканій, копорыя безъ сомнѣнія успранили бы многія изъ недоумѣній, оставшихся и послѣ новыхъ изданій сей Пѣспни.

Въ 1819 году она издана въ С. Петербургѣ Я. Пожарскимъ, копорый изьяснялъ шекспъ ея преимущеспвенно словами изъ языка Польскаго. Г. Н. Бушковь продолжилъ испорико-географическую крипику оной (Вѣспн. Евр. 1821, Сынъ Оп. 1834 № 52).

Въ 1823 году въ Москвѣ Г. Н. Грамматинъ напечаталъ новое изданіе, съ переводами въ прозѣ и стихахъ народнаго размѣра, копорое, по количеству примѣчаній и толкованій, еспъ полнѣйшее и

содержишь въ себѣ попытку привести къ однообразію правописаніе подлинника.

Вслѣдъ за первымъ у насъ появленіемъ въ свѣтъ Пѣсни Игорю, Шлецеръ извѣстилъ о ней иностранцевъ (въ *Götting. gel. Anz.* 1801). Онъ сначала усомнился было въ ея подлинности и древности; но скоро (1802 года, въ своемъ *Неспорѣ*) сознался въ грѣхъ своемъ. — И Пѣснь Игорю была переводима неоднократно, прозою и стихами, на языки Французскій и Нѣмецкій. На Польскій языкъ перевелъ ее Киприанъ Годабскій. — На Чешскомъ языкѣ сдѣланы были въ 1808 году переводы ея Юнгманомъ въ прозѣ и Рознаемъ въ стихахъ, но не изданы; а въ 1821 году она издана въ Прагѣ Вячеславомъ Ганкою, съ его переводомъ въ прозѣ и нѣсколькими объяснительными примѣчаніями. Вотъ нѣсколько спрокъ изъ крапскаго примѣчанія *о языкѣ и рукописи*, написаннаго симъ Словенскимъ Филологомъ порусски. «Языкъ подлинника сей Пѣсни великолѣпенъ и крѣпокъ, дѣлаешь переходъ изъ Славянскаго въ старый Русскій; попому распознается очевидно не токмо опъ старшихъ часпей Священнаго Писанія, но и опъ самаго Лѣтописца Неспора. . . . Кто бы хотѣлъ Царедворскую рукопись Старо-Ческу съ Игоремъ сравнивать, завѣрно бы нашель много сходства, не токмо въ словныхъ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мышленія.

Послѣ изданія Пѣсни Игорю Г. Грамматинымъ, она оставалась у насъ 7 лѣтъ въ покоѣ; но въ послѣднее время опять принялись за нее, особенно въ Москвѣ, гдѣ Г. Профессоръ М. Т. Каченовскій, —

въ слѣдствіе ученаго сомнѣнія, наводимата имъ на Древнюю Русскую Исторію, заподозрилъ (1830 г.) и достовѣрность Пѣсни Игорю.

Г. А. О. Вельшманъ, 1833 года, перевелъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувствомъ красотъ ея. Съ новыми видами объ исторической важности ея писалъ о ней Г. Н. А. Полевой (Исп. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1833). Съ новымъ уразумѣніемъ народно-поэтическаго ея свойства писалъ о ней Г. А. Глаголевъ (въ изданныхъ имъ 1834 г. Основаніяхъ Словесности).

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія Каченовскаго, Г. Профессоръ И. И. Давыдовъ на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находилъ въ ней сходство съ Исландскими Сагами (Учен. Зап. М. У. 1834); Г. Археографъ П. М. Спроевъ называетъ ее *проблемой Русской Словесности XII вѣка* (Ж. М. Н. П. 1834). Г. И. Бѣликовъ (въ Уч. Зап. М. У. 1834) изложилъ обстоятельно сомнѣнія касательно Пѣсни Игорю; но настаивая, что дошедшая до насъ Пѣснь есть сочиненіе, а можетъ быть и переводъ XVI вѣка, предполагаетъ между прочимъ, что ея источникомъ была недошедшая до насъ древняя прекрасная Пѣснь Игорю.

Но въ Библиотекѣ для Чтенія (1834) она названа даже поддѣлкою XVIII вѣка, подобно Поэмамъ Оссіановымъ; на сіе мнѣніе и Г. Бѣликову возражалъ Г. С. Руссовъ брошюркою о *подлинности Слова о Полку Игоревѣ* (С. П. Б. 1834).

Можно согласиться, что Пѣснь сія подлежитъ еще подробному и подлѣйшему изслѣдованію, жи-

даешь новой крипики; но подлинная древность и высокая красота ея оспаютъ еще не опроверженными и для насъ несомнѣнными по прежнему.

Вошь крапкая исторія Пѣсни Игорю въ Новой Липерапурѣ. Изъ нея видише, какъ недавно она стала извѣсною, и по въ одномъ только спискѣ, и по уже упраченномъ. Эти обстоятельства, служащія между прочимъ основаніемъ для опроверженія подлинной древности Пѣсни Игорю, суть явленія самыя обыкновенныя. — Она сдѣлалась извѣсною недавно; но за долго ли до нея спали у насъ опкрывашься вообще памятники Древней и даже Средней Словесности нашей, и не гораздо ли позднѣ узнали мы многіе памятники бльжайшіе къ нашему времени, писанные въ Великой Россіи, и въ свое время долженствовавшіе по видимому бытъ въ большемъ ходу, чѣмъ древняя, свѣтская и къ неважному на Южной Руси событію относящаяся Пѣснь пѣвца безыменнаго?

Мы видѣли уже, что почти въ одно съ нею время и также только въ одномъ спискѣ найдено Поученіе В. Кн. Мономаха, кошорое, и по именипосли Автора и по своему содержанію, долженствовало имѣть гораздо большій ходъ въ монастыряхъ. Мы увидимъ послѣ, что Судебникъ Іоанна III, памятникъ позднѣйшій (1497), Великороссійскій, и припомъ важности государственнот, былъ сначала извѣстенъ даже Карамзину только въ сокращенномъ Лапинскомъ переводѣ Герберштейновомъ, и въ подлинникѣ спалъ извѣстенъ не прежде 1817 года.

Если такіе и имъ подобные памятники постигала случайность запоздалого опкрывія и одиноко-

спи списка, по случайность сія для Пѣсни Игорю могла бытъ даже естественною неизбѣжностію. — Вы знаете уже, что губишельное пламя испребило почпи всѣ памятники липературные въ первомъ разсадникѣ оныхъ — въ Древней, Кіевской Руси, и что для насъ уцѣлѣли только пересадки и опроспки ихъ въ монастыряхъ Великороссійскихъ. Сказанія о безбожныхъ Агарянахъ, о нашествіи Мамаевѣ, о побѣдѣ Донскаго были ближе ко времени и къ сердцу Великороссіянъ; хожденія въ Цареградъ и на Воспокъ, сказанія о богатой Индіи, о Царѣ Македонскомъ были занимательнѣе для фанпазіи и грамотности монастырской: попому сохранилось сполько хоженій или спранспвій; попому эпими сказаніями, эпими *Александріями* наполнены сборники Среднихъ Временъ; они заслонили собою для письменной Поззіи Древнюю, Кіевскую Русь съ ея бипвами, съ ея виписями и богатырями. И сполько народъ Великой Россіи не забывалъ о ней, зналъ ее *по старой памяти какъ по грамотѣ*, разсказывалъ о ней въ Сказкахъ, воспѣвалъ ее въ своихъ Пѣсняхъ. Но это богатство Сказокъ, эпипысячи спиховъ, понынѣ еще не совсѣмъ забытыя народомъ, никпо почпи не предавалъ погда письменамъ, — до XVIII вѣка (до Кіевскаго казака Кирила Данилова или *Кириши*); не хотѣли слушать и даже воспрещали эпу народную, мірскую Поззію. И уже ли назовемъ ее подложною, новою, попому сполько что она была не писанная, что языкъ ея поспъ же, какъ и теперь народный языкъ Великороссійскій? Мы не согласились признашь Лаврентія сочинителемъ Временника за то сполько, что

сей Суздальскій Инокъ есть самый старшій изъ извѣстныхъ намъ переписчиковъ Временника: не будемъ же и сочиненіе Пѣсни Игорю относить къ XVI вѣку за то, что опъ сего вѣка дошелъ къ намъ единственннй списокъ ея, сохраненный въ сборникѣ, какъ рѣдкость, наравнѣ съ *Сказаніемъ о Филипатѣ, о свадьбѣ Девгвевѣ и восхищеніи Стратиговнѣ*. Одинокость списка Пѣсни Игорю, какъ я сказалъ, гораздо возможнѣе и еспеспивеннѣе, чѣмъ опъ случайностей происшедшая одинокость многихъ другихъ памятникоевъ. Одинокость эша важна въ помъ отношеніи, что безъ варіантовъ нѣкопорыя поврежденныя мѣста Пѣсни оспаются и, можеть быть, оспаунутся не совсѣмъ ясными, и по необходимости допускають иногда нѣкопорый произволь въ исполкованіи. Но эша поврежденность списка Пѣсни уже ли можеть быть новымъ доспащочнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ ея подлинности, новымъ поводомъ къ тому, чтообы полуграмопнаго переписчика оной, за его ошибки, награждать завиднымъ пипломъ Сочинителя сей Пѣсни? Сличите ея съ другими старинными Русскими рукописями: многія ли изъ нихъ исправнѣе списка Пѣсни Игорю? Вспомните, въ какомъ искаженномъ видѣ первоначально доспавались Анпикваріямъ прекрасныя, спройныя произведенія даже высоко-образованнаго классическаго міра Греко-Римскаго! Тогда старинный Русскій списокъ Пѣсни Игорю, въ копоромъ для Тимковскаго, вполне знакомаго съ крипшикою филологическою, только *три* мѣста оспавались неизьясненными, не спанете оспуждать шакъ спрого за ореографическія и не многія

другія неисправности переписчика; и въ самой малоизвѣстности ея въ Среднія Времена найдешъ шу выгодную спорону, что эдимъ она избавилась покрайней мѣрѣ оупъ дальнѣйшаго поврежденія перепискою.

Но была ли она извѣстна дѣйствительно въ Средніе Вѣка нашей Испоріи? Была; и неоспоримымъ доказательствомъ тому служить *Сказаніе о побойцѣ В. К. Дмитрія Іоанновика Донскаго*. Сказаніе сіе естъ лучшее произведение монастырской Поэзіи нашихъ Среднихъ Временъ (XVI или даже XV вѣка), и вмѣстѣ съ тѣмъ оно естъ явное подраженіе Пѣсни Игорю: это уже признано почти всѣми, и въ свое время я вамъ слычу ихъ.

По свидѣтельству Калайдовича (*) и Карамзина (**), въ припискѣ Ігумена (Пантелеймонова Псковскаго Монастыря) Зосимы къ пергаментному Апостолу 1307 г., естъ мѣсто, гдѣ война Михаила и Юрія за Княженіе Новгородское описывается словами Пѣсни Игорю о бѣдствіи Русской земли при Князѣ Олегѣ.

Въ Пѣсни Игорю говорится такъ: «Тогда при Олзѣ Гориславичѣ съяшеша и распяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скрапишась.»

Въ Апостолѣ почти такъже: «При сихъ Князехъ съяшеша и роспяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, копорыи вѣци скоронилъ челоуѣкомъ.» Указаніе сіе, по неимѣнію еще большаго,

(*) Тр. Общ. Ч. XI, стр. 18.

(**) И. Г. Рос. Т. IV, Прим. 227. (... копорыи вѣци сокращашась челоуѣкомъ).

можемъ, кажется, принять какъ достопащный признакъ, что въ самомъ началѣ XIV вѣка Пѣснь Игорю попадалась въ руки Духовнымъ лицамъ, — какъ постороннее свидѣтельство о ея древности.

Но лучшее доказательство ея древности есть сама она, какъ живое и вѣрное выраженіе воспѣтаго въ ней событія и своего времени.

Чтобы яснѣ представить и понять изложеніе сего событія въ Пѣсни, я припомяну вамъ нѣсколько предшествовавшихъ ему историческихъ обстоятельствъ. Вы знаете, какъ много терпѣла земля Русская во второй половинѣ XII вѣка отъ междоусобій Удѣльныхъ Князей своихъ, отъ набѣговъ на нее Половцевъ (*) или Комановъ, и отъ непрестанныхъ съ ними дракъ, кои въ честь и славу себѣ пославляли *Русики* или Русины. Эти междоусобія Князей и бившы съ Половцами суть два дѣйствія кровавой Драмы, которой сценою была тогда Южная Русь. Тогда между Князьями Южно-Русскими первенствовалъ Кіевскій Князь Святославъ III Всеволодовичъ, изъ рода Олегова. По старшинству сего Князя величали его именемъ *отца*, копорымъ и самъ онъ называлъ себя.

Въ 1184 г. Святославъ, съ нѣсколькими другими

(*) У насъ обыкновенно произносятъ *Половцы*; другіе говорятъ *Полдвцы*; но Редакторъ Журнала сего въ пакъ названной Исторіографіи нашимъ *Латухинской* Спенсеной Книгѣ видѣлъ это слово вездѣ съ удареніемъ на последнемъ слогѣ: *Половцы*; въ слѣдствіе такого письменнаго доказательства, и по свойству Южно-Русскаго словопроизношенія, должно принять последнее произношеніе — *Половцы*. Это имя Русское, но же что *ловцы*, происходящее отъ употребительнаго доньше въ Малороссіи слова *полѣвъ*, однокореннаго съ словомъ *лосб* (на прим.: полѣвъ рыбы).

Князьями и союзными дружинами, ходилъ на Половцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Орели, гдѣ со множествомъ плѣнныхъ Половецкихъ Князей былъ полоненъ и знаменитый Ханъ Кобякъ. Въ сей Орельской битвѣ особенно отличился Владиміръ Глѣбовичъ, пылавшій наибольшую местию къ Половцамъ за наибольшее разоренія ими Переясловской Области. Внушительный братъ Святослава Кіевскаго Новгородсѣверскій Князь Игорь (сынъ Черниговскаго Князя Святослава II Олеговича, умершаго 1166 года) былъ приглашенъ къ сему походу поздно, — можетъ быть, и по умыслу Князя Владиміра (изъ рода Мономахова), въ слѣдствіе недавней ихъ ссоры за его передовой выступъ противъ Половцевъ (въ 1183 году).

«Не дай Богъ опречкашься оупъ похода на поганыхъ» воскликнулъ Игорь посланцу Святославу. Но дружина Игоря говорила ему, что Святославъ ушелъ уже давно, что его не догонишь; а пшицею, Князь, перелешъть не можно! Къ тому же была погда великая гололедица (*). Такимъ образомъ Игорь вопреки своему порыву, не участвовалъ въ семъ пораженіи Половцевъ, и собрался итти на нихъ самъ съ Князьями Сѣверскими. «Мы развѣ не Князья?» — говорили они — «Мы пакже добудемъ себѣ хвалы!» Между тѣмъ Святославъ одержалъ новую побѣду надъ Половцами (1 Марта, 1185 г.) близъ р. Харола, обративъ въ бѣгство свирѣпаго Хана Кончака. Слава сей Хорольской побѣды рѣшила Игоря; захопѣлъ онъ *испытъ шелоомъ Дону*, подобно Моно-

(*) Въ Лѣтоп. *великій середъ* — слово употребительное и понынѣ въ Малороссіи, вѣсно коего говорять и *ожелѣдица*.

маху и предпринялъ походъ на Половцевъ. Въ походъ сей онъ отправился съ према Сѣверскими Князьями: роднымъ брапомъ своимъ храбрымъ *Всеволодомъ*, Княземъ Курскимъ, съ сыномъ своимъ *Владиміромъ*, Княземъ Пушिवльскимъ, и роднымъ племянникомъ своимъ *Святославомъ Олеговичемъ*, Княземъ Рьльскимъ; сверхъ того у Черниговскаго Князя Ярослава Всеволодовича онъ испросилъ себѣ подмогу, состоящую изъ служившихъ ему Ковуевъ. Жену свою Евфросинію *Ярославну*, дочь Галицкаго Князя, оставилъ въ Пушивль. Сей-то героическій по началу, не удачный по концу своему походъ на Половцевъ и составляетъ предметъ Пѣсни Игорю.

Лѣтописи, особенно *Кіевская*, сохранили многія подробности, относящіяся къ сему походу, на пр. описаніе полного солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ томъ году 1 Мая; подробности выступленія въ походъ, побѣды Игоря надъ Половцами;—увлеченіе Сѣверскихъ Князей *итти къ Лукоморью, гдѣ не ходили еще и дѣды ихъ*; пораженіе и плѣнъ ихъ; новое нападеніе Половцевъ на Русь, подъ предводительствомъ Гзака и Кончака, особенно на Римъ (Роменъ) и Пушивль; воззваніе Святослава и Владиміра Глѣбовича къ разнымъ Князьямъ о помощи; бѣгство Игоря и его возвращеніе, а въ послѣдствіи возвращеніе и его сына Владиміра, женившася въ плѣну на дочери Кончаковой.

Пѣсьнъ Игорю, какъ Поэма, а не лѣтопись и не Исторія, чужда многихъ подробностей; однако она полна исторической истины, представленной ею въ крапкихъ, живыхъ, яркихъ карпинахъ. Пройдемъ шеперь бѣгло всю ее, чптобъ видѣть ея ходъ

и содержаніе; а для удобства въ обзорѣніи оной и указаніяхъ на разныя въ ней мѣста, условимся раздѣлить ея на XIV Главъ.

1. *Не льпо ли ны бляшетъ, братіе, воспѣшь Игоря, который исполнившись рашнаго духа, навель свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую! Пѣвецъ хочеть воспѣшь свою пѣснь по былинамъ своего времени, начавъ опъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря. Онъ воспоминаеть о прежнихъ пѣсняхъ Князьямъ, и о томъ, какъ пѣваль вѣщій Боянь, пѣснотворецъ, соловей стараго времени.*

2. *Тогда Игорь възръ на свѣтлое солнце: и видишь полное зазмѣніе; но ему лучше бышь изрублену, нежели полонену, — и онъ зоветь свою дружину посмопрѣшь и опвѣдашь синяго Дона, дружину доспойную пѣсень Бояновыхъ. Все гошпово. Игорь ждешъ милаго брата буй-шура Всеволода. Всеволодъ готовъ давно; Курская дружина его храбра, взрощена войною, жаждешъ войны, ища себѣ чеспи, а Князю славы.*

3. *Тогда вѣступи Игорь Князь въ златъ стрелень: солнце своимъ зазмѣніемъ заспунаеть еще пупъ ему; но онъ ведешъ свое воинство къ Дону. Къ Дону бѣгупъ и Половцы. Игорю недобрый примѣпы въ пупи; но земля Русская оспалась уже позади; Русскія дружины уже приготовились къ бою, ища себѣ чеспи, а Князю славы.*

4. *Съ заранія въ пяткѣ (Пяшницу) потопташа поганья пѣлки Половецкыя. Русскимъ доспалась богашая добыча. Дремлешъ Олегово войско. Хань Гзакъ и Кончакъ бѣгупъ къ Дону на помощь.*

5. *Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ.* Опъ моря и оповсюду идушь черныя шучи Половцевъ закрышь собою 4 Русскія солнца: бытъ великой грозѣ на Каяль-рѣкѣ! И началась спрашная бипва. Всеволодь свирѣпъ, безспрашенъ и силенъ въ бою; онъ забылъ все — и жизнь, и почешъ, и свою милую Глѣбовну. . . .

6. *Были вѣги (вѣка) Трояни, минула лѣта Ярославля:* Пѣвецъ воспоминаешъ славу полковъ Олега Свяпославича, ковавшего мечемъ крамолу на бѣду землѣ Русской; воспоминаешъ про смершь Бориса Вячеславича, про Свяшполка, копорый съ Каялы-рѣки повезъ въ Кіевъ шрупъ своего шестя (Тугоркана).

7. *Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта* идешь сильная бипва. Бились день, бились другой, на прешій день пали знамена Игоря; разлучились брашья на берегу быспрой Каялы; легла дружина Русская за свою землю.

8. *Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала:* возспала обида, и губишельною дѣвою пошла по землѣ Русской. Князья враждуюшь и междуособшвуютъ за ничло; а поганые Половцы собираютьъ побѣдныя дани; Карна и Жля разносятъ пламя по землѣ Русской; всплакались жены Русскія; возспаналь Кіевъ въ печали и Черниговъ въ напасши; Игорь и Всеволодь разбудили бѣду, копорую усынилъ-было грозный Свяпославъ Кіевскій недавною побѣдою надъ Кобякомъ: чужеземцы (въ Кіевѣ) поють славу Свяпослава, осуждаютъ Игоря, копорый пошопилъ Русское злопо въ рѣкѣ Половецкой,

и изъ золотого (Княжескаго) сѣдла пересѣлъ въ сѣдло плѣнника.

9. *А Святъславъ мутенъ сонъ видѣть.* Бояре полкуютъ ему недобрый сонъ его; говорятъ ему о плѣнѣ Сѣверскихъ Князей и поржествѣ Половцевъ. Святославъ въ печали о неудачной опшвагѣ своихъ *сыновцевъ*; онъ скорбитъ о своемъ безсиліи; храбра Черниговская дружина брата его Ярослава; но Князья ему уже не въ пособіе!

Римъ (Ромень) разоряютъ Половцы; но ему не защища лежачій подъ ранами Владиміръ Глѣбовичъ.

10. *Великій Княже Всеволоде!* и вы, Рюрикъ и Давыдъ, и сы, Ярославъ Галицкій, и вы, Романъ и Мспиславъ, и вы *шестокрыльцы*—Ингварь, Всеволодъ (и Мспиславъ). . . вспунисешъ за обиду сего времени, за Русскую землю, за раны Игоревы!

Пѣвецъ взываетъ къ нимъ, величаетъ ихъ: ибо — говоритъ — Сула уже не печетъ серебряными спруями по городу Переяслову, и Двина печетъ болопомъ къ грознымъ Полочанамъ подъ кликами поганыхъ. . . . (Къ Полочанамъ склонилась и дума Пѣвца).

11. *Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ звони своими острыми мегі о шеломи Литовскыя:* свѣжа въ намяши смерть сего Полоцкаго Князя (1183); позоръ вамъ, Ярославъ и всѣ внуки Все-славовы, начавшіе своими крамолами наводитъ поганыхъ на землю Русскую, на жизнь (славу) дѣда своего Всеслава Полоцкаго! Про его подвиги и судьбу поется пѣляя Пѣсня (*На седьмомъ вѣци Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу.* . . .); ему-то вѣщій Боянь изрекъ при-

пѣвку: «ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути!» (*) Говориль Боянь и про Свяшпослава: *тяжко тебѣ голова безъ плечь, лихо тебѣ тѣло безъ головы*: пакъ Русской землѣ безъ Игоря!

О, спонань Русской землѣ, поминая первыя времена и первыхъ Князей своихъ! Нѣшь спараго Владиміра на высопахъ Кіевскихъ; знамена его раздѣлились. . . .

12. *Ярославныя гласъ слышитъся*: она плачеть въ Пупивлѣ по своемъ миломъ Игорѣ; хочеть лепшѣнь къ нему птицею; зываетъ о немъ къ лепучему вѣтру; молишь за него и славный Днѣпръ, и свѣтлое солнце. . . . И вопъ:

(*) Мѣсно сіе (*Рекъ Боянь и ходы* . . .) въ подлинникѣ составляеть начало послѣдней Главы, спонань передъ возвращомъ Игоря въ Русскую землю. Первыя слова всей фразы дѣйствительно не лсны отъ неправильной перестановки словъ, и подверглись разнообразнымъ догадкамъ: прибавлю къ нимъ еще новое предположеніе. Мнѣ кажется, что фраза сія не только повреждена въ перестановкѣ первыхъ словъ, но и вся она вѣроятно переспавлена шуда съ другаго мѣсна, и приурочена шамъ, хотя не безъ мысли (для усиленія радости отъ возвращенія Игоря, посредствомъ конпрасна), однако видимо рознишь съ пономъ, какимъ воспѣно бѣгшю и попомъ возвращеніе Игоря. Мнѣ кажется, что въ 11-й Главѣ, посвященной воспоминанію о прежнихъ Князяхъ, послѣ словъ Бояновыхъ о Всеславѣ, сія фраза — съ словами Бояна о Свяшпославѣ (удалившемся на Дунай) и примененіемъ оныхъ къ опсушенію Игоря изъ Русской земли — имѣеть настоящую значительность, гармонируетъ съ цѣлою Главою и въ смыслѣ и въ шонѣ самаго выраженія, и свлзуеть лучше послѣдующія слова о Русской землѣ и спаромъ Владиміръ (въ концѣ конхъ также возмущаешя нѣкоторая пемпопа) съ Пѣсною о Всеславѣ. — Предлагаю догадку мою будущимъ Кришикамъ и издашелямъ Пѣсни Игорю, утверждадъ впрочемъ, что это единственнае мѣсто, гдѣ лучше возбудить подобное сомнѣніе.

4550

13. *Присну море полунощи*; Князю Игорю Богъ кажешь пушь изъ земли Половецкой на землю Русскую. Овлуръ (или Лаверь, крещеный Половецъ) помогаетъ его бѣгству; Игорь бѣжишь уже къ лугу Донца. Донецъ журчишь ему привѣспвие; Князь величаепъ его: Донецъ лучше Спугны и Днѣпра, погубившихъ юношу Князя Роспислава (1095), на горе его мащери.

По слѣдамъ Игоря идешь Гзакъ съ Кончакомъ; они говорашъ, чнѣ сдѣлашь съ плѣннымъ его сыномъ. Гзакъ хочешъ разспрѣляшь соколенка; Кончакъ думаетъ опунанъ его красною дѣвицей (своею дочерью).

14. *Солнце свѣтитя на небесъ*; *Игорь Князь въ Русской земли*; онъ ѣдешъ уже по Боричеву къ Святой Богородицѣ; повсюду веселье и пѣсни: да здравствуюють Князья и дружина, поборая за Христіанъ на поганые полки; слава Князьямъ и дружинѣ!

Вось содержаніе и ходъ Пѣсни Игорю, кои можно предсавишь въ слѣдующемъ кратчайшемъ очеркѣ.

- Гл. 1. Присупъ къ Пѣсни или *запѣвъ*.
 — 2. Сборъ Игоря и Всеволода къ походу.
 — 3. Выступленіе въ походы.
 — 4. Побѣда надъ Половцами.
 — 5. Начало новой бипвы на рѣкѣ Каялѣ.
 — 6. Воспоминаніе объ Олегѣ, Борисѣ и Святополкѣ.
 — 7. Пораженіе Русскихъ на Каялѣ.
 — 8. Новое бѣдспвие Руси опъ Половцевъ.
 — 9. Сновидѣніе и печаль Святослава III.

- Гл. 10. Воззванія къ Князьямъ о помощи.
 — 11. Воспоминаніе о Полоцкихъ Князьяхъ и о
 первыхъ Князьяхъ Русскихъ.
 — 12. Плачь Ярославны объ Игорѣ.
 — 13. Бѣгство Игоря изъ плѣна.
 — 14. Восвращеніе Игоря въ Русскую землю.

Таковъ планъ Пѣсни Игорю. Изъ него видно, что, если исключимъ 6 и 11 Главы, кои суть *отступленія*, посвященныя воспоминанію о мипувшемъ, то вся Пѣснь представитъ непрерывный рядъ живыхъ картинъ, въ которыхъ вездѣ является Игорь, или самъ какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія; что вся Пѣснь есть повѣствованіе не только поэтически-правильное и стройное, но и исторически вѣрное: самъ Пѣвецъ хощетъ свою *Пѣснь* или *Повѣсть* воспѣть *по былинамъ* своего времени, и она полна исторической истины, и для самой Исторіи Русской составляетъ вспомогательный источникъ, изъ коего узнаешь она, на примѣръ, какъ высоко было народное мнѣніе о Всеславѣ Полоцкомъ, что соспавляло самолюбіе Князей современныхъ Игорю (Г. 10); узнаешь даже нѣкоторыя новыя для себя подробности, на примѣръ, мѣсто пораженія Тугоркана, имена Черниговскихъ дружинъ, имя Липовскаго племени *Деремелогъ*.

Такимъ образомъ сія Пѣснь о Полку Игоревѣ вполне заслуживаетъ имя *Исторической*, и есть первородный, изящный образецъ собственно-Русской, наспоющей *Исторической Поэмы*. — Въ самомъ текствѣ она называется и *Пѣснію* и *По-*

вѣстью; и если бы можно было употребить составное изъ нихъ слово *Пѣсноповѣсть*, то это было бы самое близкое и отличительное названіе сего рода Поэмы Русской, по ея лирико-эпическому характеру.

Новыми явленіями и такъ сказанъ продолженіемъ сего рода Поэзіи были попомъ Южно-Русскія или Украинскія Пѣсни и Думы *былевыя* (историческія), по моему замѣчанію (1), ближайшія и однороднѣйшія съ Пѣснію о Полку Игоревѣ.

Собственно *историческій* элементъ ея (какъ элементъ *прошедшаго*, какъ *внѣшняя* сторона дѣйствительной жизни) еще особеннѣе и такъ сказанъ исключительнѣе развился въ народной Поэзіи Великорусской, которая — какъ покажу вамъ въ послѣдствіи — имѣетъ во всемъ характеръ по преимуществу *былевой*, повѣствовательный.

Мы увидимъ также, что въ новѣйшее время Русская Поэзія, при переходѣ своемъ къ самобытности, явилась *Историческою Поэмою*, въ Поэмѣ Пушкина *Полтава* (2).

Такимъ образомъ о Пѣсни Игорю, какъ самообразномъ явленіи Поэзіи, должно судить болѣе по ней самой, нежели по какимъ-либо частнымъ правиламъ криптики, составленной по иноземнымъ образцовымъ сочиненіямъ. Криптика ея должна состояться изъ разсмотрѣнія ея самой, какъ выра-

(1) Въ моемъ изданіи: *Украинскія народныя Пѣсни*, Ч. I, Москва 1834, стр. 68; — и въ моей снѣпѣ о Вельшмановомъ переводѣ Пѣсни Игорю. См. *Молву* 1855, № 23 и 24.

(2) О Поэмѣ Пушкина *Полтава* въ историческомъ отношеніи я писалъ вкратчѣ по выходѣ оной. См. Апеней, 1829.

женія погдашней жизни, въ совокупности съ другими памятниками Древней нашей Словесности и народною Поэзіей нашей и другихъ Славянъ, и въ сообразности только съ общими требованіями вкуса, только съ общими условіями и законами изящнаго. Лишь тогда кришика ея послужитъ къ изясненію свойствъ ея и своенародной нашей Поэзіи, и къ соспавленію нѣкоторыхъ правилъ своенародной нашей Пѣяники; подмогою къ сему будущъ служитъ еще лучшія произведенія нашихъ Поэтовъ, на примѣръ, Державина, Пушкина.

Возвращаясь къ плану нашей Пѣсни, мы находимъ его удовлетворяющимъ даже спрогимъ требованіямъ кришики; признаемъ ходъ ея естественнымъ и поэтически правильнымъ; называемъ умѣстными самыя *отступленія* (каковыя въ другихъ Поэмахъ соспавляютъ часно проспекты вставка или эпизоды). Отступленія въ ней сообразны съ намѣреніемъ Пѣвца, который именно хотѣлъ вспомнить и о прежнихъ Князьяхъ, *нагать* свою *повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря* (Гл. I). Они согласны съ духомъ Исторической Поэмы вообще, какъ воспоминанія о минувшемъ, и съ духомъ сей Пѣсни въ особенності, какъ воспоминанія о прежней силѣ и первыхъ междуособіяхъ земли Русской, при видѣ ея насшоящихъ бѣдствій опъ крамоль и междуособій Княжескихъ и набѣговъ Половецкихъ. Эти отступленія опъ главнаго дѣйствія и лица и переходы къ минувшимъ лицамъ и событіямъ сообразны и съ духомъ народной Русской Поэзіи, коей такъ свойственна *переходчивость* въ движеніяхъ поэтической думы и въ тонахъ самаго напѣва.

Особенное первое опусупленіе (Гл. 6) не только умѣстно, но даже составляетъ поэтически необходимый, живой членъ цѣлой Пѣсни. — Пѣвецъ представилъ разительное начало пагубной битвы на Каялѣ, заключивъ свою картину изображеніемъ Всеволода, все забывшаго въ битвѣ (Гл. 5) Рѣка Каяла или Калка, уже памятная для Русскихъ при Мономахъ битвою 1093 года, — роковая для нихъ и послѣ въ 1224 году — унесла думу Пѣвца въ минувшее, къ прежнимъ смертельнымъ событіямъ на Каялѣ и землѣ Русской (Гл. 6). Возвращаясь опять къ настоящему (Гл. 7), онъ пѣмъ разительнѣе, очерпивъ быстро прехдневный бой, изображаетъ печальную картину гибельнаго конца. Что лучше, что умѣстнѣе эпои поэтической поминки могло быть въ продолженіе прехдневной кровавой сцены, коея начало уже предсавлено шакъ полно и шакъ грозно, — и онъ печальной развязки коей сжимаешь сердце. Описываешь ли было Пѣвцу еще подробности сраженія (какъ въ Полтавской битвѣ Пушкина), или же онъ долженъ былъ просто безмолвствовать? . . .

(Изъ Журнала Министрерства Народнаго Просвѣщенія
1836 года, Апрель, № IV.)

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(Изъ лекцій о Русской Словесности, читанныхъ 1855 года въ Университетѣ Св. Владиміра Ордин. Профес. Михаиломъ Максимовичемъ).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Пѣснь Игорю, относительно ея дужа.

Въ предыдущемъ чтеніи о Пѣсни Игорю, изложивъ содержаніе и планъ ея, мы опредѣлили себѣ почву зрѣнія на нее и степень ея важности для Истории нашей Словесности. Мы сказали, что сія Историческая Пѣснь есть поэтическое выраженіе современной ей жизни Русскаго Юга, есть плодъ древней Поэзіи нашей, и вмѣстѣ съ тѣмъ первообразъ для послѣдующей нашей своенородной Поэзіи, особенно Южно-Русской.

Поэтому въ изслѣдованіи сей Пѣсни должно замѣчать все, что опоздалось въ ней отъ прошедшаго, всякую черту ея, повпоряющуюся въ другихъ древнихъ памятникахъ нашей Словесности; — съ другой стороны необходимо въ ней обратити вниманіе на все, что есть общаго въ ней съ Поэзіей Украинской и Велико-Русской, на всѣ такъ сказать опголоски ея въ оныхъ. Черезъ такое сооб-

раженіе можно уразумѣть красоты сей Пѣсни, и подашь нѣсколько свѣта къ опредѣленію свойствъ и раскрытія нашей народности въ Поэзіи.

Имѣя эшо въ виду, разсмотримъ нѣсколько Игореву Пѣснь опносительно ея *духа*; попомъ спанемъ говоримъ объ ней опносительно *формы* ея, п. е. объ образѣ выраженія и языкѣ.

Наблюдая Игореву Пѣснь опносительно духа, находимъ, что опличительный характеръ онаго состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: *любви къ землѣ Русской и ея славы, и вѣры въ жизнь Природы и глубокаго съ нею сочувствія.* Два начала сіи суть основанія и господствующія въ духѣ Поэзіи Пѣвца Игоря: изъ нихъ уже происпекають, или ими проникнуты, или подъ ихъ господствомъ раскрываються другіе виды любви и вѣры, другія чувствва и понятія. Попому и обзорнѣе оныхъ мы приведемъ къ эшимъ двумъ знаменательнымъ началамъ, изъ коихъ первое имѣло преимущественное вліаніе на содержаніе и понъ Пѣсни, а второе на образъ выраженія и краски ея.

А. *Духъ любви.*

Любовь къ Русской землѣ и ея славы есть первое, главнѣйшее начало въ Пѣсни Игорю. Изъ сего по родника, изъ сей общественной, родинной любви происпекають: во-первыхъ разлитой по всей Пѣсни рашный духъ, соединенный съ мспительнымъ чувствомъ обиды къ поганымъ Половцамъ; во-вторыхъ, любовь къ минувшему, воспоминанія о

прежнихъ Князьяхъ Русской славы и силы; въ-прешь-ихъ, духъ скорби и гнѣва на междоусобія и крамолы Удѣльныхъ Князей, споль бѣдспивенныя для Русской земли и недоспойныя прежней славы ея; въ чепверсныхъ, груспный понъ цѣлой Пѣсни, который опзывается и въ двухъ послѣднихъ Главахъ ея, гдѣ онъ (по освобожденіи Игоря) вообще перемѣняешся на радоспное движеніе. — Сею главною, рѣдинною любовью усилена личная любовь Пѣвца къ Героямъ его Пѣсни; съ нею соединена и любовь его къ пѣснопѣнію вообще, и вѣра его въ Природу; выраженіемъ оной служипъ у него и пѣсня дѣвъ; ею проникнута у него и любовь женская.

За землю Русскую и ея славу: вошъ главная мысль, основная пружина дѣйспвія, непреспанно повпоряющееся слово въ его Пѣсни. Такимъ образомъ: Игорь исполнился раннаго духа и навель храбрые полки свои на землю Половецкую *за землю Русскую* (Гл. 1); Русичи полегоша — *за землю Русскую* (Гл. 7); злапо *Русское* попопиль Игорь въ Половецкой рѣкѣ (Гл. 8): *Русскимъ* злапомъ звеняпъ (въ Крыму) Гопскія дѣвы (Гл. 9); по *Русской землѣ* просперлись опяпъ Половцы съ побѣдами и пламенемъ (8. 9); вспупипъся за эпю обиду Пѣвецъ зовепъ Князей, вспупипъся *за землю Русскую* и раны Игоревы. (Гл. 10, повпоряя эпю прижды); на *землю Русскую* навели поганыхъ своими крамолами Князья Полоцкіе (Гл. 12) — О, спонашь *Русской землѣ*, вспоминая прежнее время и первыхъ Князей своихъ (Гл. 12).

«О *Русская земля!* пы уже за горою!» (за шеломянемъ еси!) два раза (Гл. 3 и 5) восклицаетъ

Пѣвецъ, когда Русскіе перешли за предѣлы ея, на незнаемое (пустынное) поле земли Половецкой. — Черезвычайно сильное раскрытіе сей рѣдинной любви *въ тоскъ на гужбинѣ* по своей Южно-Русской землѣ, мы увидимъ въ Украинскихъ Пѣсняхъ; а теперь посмотримъ на выраженія ратнаго духа въ Пѣсни Игорю, которыми особенно обнаружилась въ ней эша основная любовь къ Русской землѣ и славѣ.

а) *Ратный духъ.*

Ратный духъ воспалился въ Русскихъ издавна, особенно набѣгами Азіатцевъ, непреспанными съ ними битвами и схватками оборонными, наступательными и союзными, — и обратился въ попребность, въ славу и честь, — и уже Лѣтописцы говорили: «брань славна луче естъ мира спудна!» Изображеніями сего ратнаго духа въ разнообразныхъ его явленіяхъ, картинами битвы и смерти, особенно богаты и могучь Пѣвецъ Игоря; и его Пѣснь по сему отношенію не даромъ названа *героической*; но сообразнѣе съ временемъ ея она лучше можетъ быть названа *рыцарскою*. И если сравнимъ ее съ Рыцарскою Поэзіей того романтическаго времени вообще, по съ самодовольствіемъ народнымъ мы увидимъ, что первенство безспорно принадлежитъ нашей Поэзіи!

Разсмотримъ же нѣсколько мѣстъ нашей Пѣсни, чтобы видѣть, какъ въ ней выражается сей боевой духъ и другіе предметы. Мѣста сіи я спяну предлагаю частію подлинными словами Пѣвца, частію въ переводѣ.

Послушайте во-первыхъ главнаго Героя Пѣсни, Князя Игоря, мужающагося на Половцевъ за землю Русскую (Гл. 2).

«Наполнился ратнаго духа . . . рече Игорь къ дружинѣ своей: браніе и дружино! Луцежь бы попяту быши, неже полонену быши!» *Лучше быть изрублену, нежели быть полонену!*

При этомъ вы конечно вспоминаете рѣчь Святослава предъ битвою съ Греками, и въ изреченіи Игоря видите мужество, завѣщанное прежнимъ Русскимъ Княземъ-воипелемъ. — Игорь продолжаетъ:

«А всядемъ, браніе, на свои бръзьи комо-ни (*), да позримъ синего Дону! . . . Хочу бо, рече, копіе приломиши конецъ поля Половецкаго, съ вами Русичи; хочу главу свою приложиши; а любо испиши шеломомъ Дону!»

Вопь жажда, наслѣдованная Игоремъ отъ славнаго Мономаха, который *пилъ Донъ золотымъ шеломомъ*, по любимому выраженію того времени: вопь испинно рыцарскій обътъ Русскаго Князя! и какъ не любилъ его Пѣвцу, исполненному любви къ землѣ Русской и ея славы? . . .

Другой Герой Пѣсни Князь Всеволодь, храбрь и силенъ, какъ *турь* (или *зубрь*, красивый, дикій звѣрь, весьма уважавшійся Славянами): попому и

(*) Т. е. борзые кони. *Комони* есть старинное Славянское слово постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, оставшееся почти въ одной свадебной старинной Русской Пѣсни (записанной въ Остапковскомъ Уѣздѣ Н. В. Кирѣевскій):

Дворъ комоной извуставлено,
Сѣни плетей извувъшано.

прозывается онъ въ пѣсни *буйтуромъ* или *яръ-туромъ*. Всеволодъ всегда готовъ къ битвѣ и въ ней все забываетъ; но ему не чужда и нежность души: онъ исполненъ любви брашской:

«Одинъ брашъ, одинъ свѣтъ свѣтлый пы,
Игорю! Оба себѣ Свяшъславича!» говоритъ онъ.—
«Сѣдай, браше, свои брѣзвы комони, а мои пи
готови, осѣдланн у Курьска напереди. . . .»
(Гл. 2).

Всеволодъ, и по словамъ Кіевской лѣтописи,
«бѣ въ Ольговичехъ всѣхъ удалѣ рожаемъ и
възрастомъ и всею добродѣтелию и мужественною
доблестію, и любовь имѣяше къ всѣмъ.»

Посмотрите же, каковъ онъ въ битвѣ: *яръ-туръ Всеволодъ, стоишь на брани, прыщешь стрѣлами на воиновъ (Половецкихъ), гремишь объ шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ только туръ, промчишься ты, золотымъ своимъ шлемомъ посвячивая: тамъ лежатъ поганья Половецкія головы, исщепаны Аварскіе шлемы калеными саблями отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ! . . . Какія раны, братья, дороги забывшему погестъ и жизнь, и Городъ Черниговъ, и отцевскій золотой престолъ, и своей милой жены красной Глѣбовны привѣтъ и обычай?*

«Яръ-шуре Всеволоде! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремещи о шеломы мечи харалужными. Камо, шуръ, поскачяше, своимъ злалымъ шеломомъ посвячивая: гдѣ лежатъ поганья головы Половецкія, посщепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя, отъ тебе яръ-шуре Всеволоде? . . . Какя раны дорога, брашце, забывъ

чпи и живоша, и града Чрънигова, опня злапа спола, и своя милыя хопи красныя Глѣбовны свычая и обычая! . . .» (Гл. 5).

Таковы наши *искатели славы* (Гл. 9.), Князья Сѣверскіе, у коихъ, по выраженію Свяпослава, *храбрля сердца изъ крѣпкаго булата скованы и закалены въ мужество* («въ жеспоцемъ харалузѣ скована, а въ буеспи закалена»), которые *рано напали Половецкую землю мегами опустошати* (*), а *себѣ славы искать*. . . . говоря: *мужаемся сами! одни похитимъ славу грядущую, одни подѣлимся славой прошедшею!* («мужаймѣся сами! преднюю славу сами похипимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!»).

Приведу пеперь вамъ изображеніе Курской дружины Всеволода (Гл. 2):

Куряне мои (говорипъ онъ Игорю) *народъ знающій: подѣ трубами повиты, подѣ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли изострены; какъ стѣрые волки скагутъ они въ полѣ, ища себѣ гести, а Князю славы!*

«А мои ши Куряни свѣдоми кѣмепи: подѣ трубами повипи, подѣ шеломы възлелѣяни, конецъ

(*) «Мечи цвѣлипи» — опъ слова *цвѣле*, по нѣмѣ оставшагося въ Южно-Русскомъ языкѣ и означающаго *плѣсене*; а не опъ Сербскаго слова *целити*, которому въ Южно-Русскомъ языкѣ соопвѣтствуетъ слово *коилити* — выпль (опшлуда и *филинѣ*, ш. е. *хвилинь*, по Украински пугачь; — ке во многихъ словахъ употребляеся *ви. ф.* напр. *квасоля* говоряпъ Украинцы, вмѣсто *квасоль*, а Великоросіянне говоряпъ *фатера* вмѣсто *кваршера*).

копѣя вскрѣмлени; пуши имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы; луци у нихъ напряжени, лули отворени, сабли изъоспрени; сами скачюшь акы сѣрыи вьлци въ полѣ, ищучи себѣ чни, а Князю славы.»

Послѣднее выраженіе повторяется и передъ бившою съ Половцами (въ концѣ 15 Главы): «Русичи великая поля чрылеными щипы прегородиша, *ищучи себѣ чни, а Князю славы.*»

Волѣ еще примѣръ Русской удалости, воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, Великому Князю Владимірскому и Суздальскому, спаршему тогда между Сѣверно-Русскими Князьями (Гл. 10):

«Великый Княже Всеволоде! не мыслію ни прелешѣши издалеча, онии злапа спола поблюспи. Ты бо можеша Волгу веслы раскрониши, а Донѣ шеломы выльяши. Аже бы ны былъ, шо была бы чага по ногашѣ, а кошей по резанѣ. Ты бо можеша по суху живыми шерениры спрѣляши—удальми сыны Глѣбовы.

Не мыслію тебѣ перелетѣть издалега, отцевскаго золатаго престола поберегъ: ибо ты можеша Волгу разбрызгати веслами, Донѣ выгерпати шлемами! Еслибѣ ты здѣсь былъ, была бы здѣсь плѣнница по ногашѣ, а плѣнникъ по резанѣ (ш. е. по мелкой монетѣ, тогда употреблявшейся, какъ теперь говорится: *ни по земѣ!*). *Ты можеша и на суши стрѣляти живыми самострѣлами — удалыми сынами Глѣба* (ш. е. пяпью сыновьями Рязанскаго Князя Глѣба Росниславича, признавшими своимъ Главою Всеволода).

Наконецъ воишь еще Пѣснь Великому Кіевскому Князю Святославу, побѣдипелю Хана Кобыка (Гл. 8):

Онъ былъ грозою; погромилъ мегами булатными, и своими сильными полками наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганого Кобяка изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь исторгнулъ онъ: и палъ Кобякъ въ городъ Кіевъ, во дворцѣ Святославовомъ!

«Грозою бяшешь; припрепещалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наспуни на землю Половецкую, припопша хлъмы и яругы, возмуни рѣки и озера, изсуни потоки и болота; а поганого Кобяка изъ Луку-моря онъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихрь выпорже: и падеся Кобякъ въ градъ Кіевъ въ гриднищъ Свящъслави.»

б) *Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ.*

Изъ любви Пѣвца къ землѣ Русской и ея славѣ, какъ сказалъ я, происпекаютъ: любовь его къ минувшему, духъ гнѣва на междоусобіа Князей, духъ скорби о настоящей бѣдѣ земли Русской и ея обидѣ отъ ненавистныхъ Половцевъ. У Пѣвца не сходитъ съ сердца эша бѣда, эша обида его времени; онъ не можетъ забыть славы былаго времени, или, лучше, сказать только въ ней забывается. Потому онъ такъ часто вдается въ воспоминанія о прежнихъ Князьяхъ, потому такъ часто въ его Пѣсни раздается *звонъ дѣдовской славы*, такъ часто объ ней напоминаетъ своимъ Князьямъ, указываетъ имъ на *золотой отцевскій престолъ*, скорбитъ объ ихъ междоусобіяхъ, негодуешь на

нихъ за то, что они спали *ковать крामолу* и чрезъ то попустили Половцамъ разорять Русскую землю: поганымъ ли на обиду должна была dospaпъ-ся слава и сила ея? . . .

«Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залепѣло. . . не былонь обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни шебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! . . .» (Гл. 4).

Но у Князей—продолжаетъ Пѣвецъ—пропала вражда на поганыхъ. Говорятъ они другъ другу: то мое, и то мое! и стали Князья про малое говорить: это великое; и сами на себя крामолу ковать; а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на землю Русскую (Гл. 8).

Въ 10 Главѣ Пѣвецъ восклицаетъ: *Ярославъ и всѣ внуки Всеславы! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы своими крामолами нагали наводитъ поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава. . . было ли бы какое наси-ліе отъ земли Половецкой? . . .*

О, стонать Русской земль, помлнувши пер-вую годину и первыхъ Князей! Того стараго Владиміра не лзя было пригвоздить къ горахъ Киевскимъ! . . .

Вопшь думы и печали Пѣвца Древней Руси, ког-да она уже упала и кончала первый періодъ сла-вной жизни своей, когда рыцарская опвага Сѣвер-скихъ Князей его не удалась, и *пали знамена Иго-ревы. Поэзія, какъ и жизнь, безъ вѣры въ проч-ность настоящаго, безъ надежды на будущее, об-ращается къ минувшему, живеть воспоминаніями.*

То же самое увидимъ и въ послѣднемъ періодѣ Поэзіи Украинской; подобныя думы о своей славі и ее волновали. . .

Теперь замѣтимъ, что Пѣвецъ Игоря въ своихъ обращеніяхъ къ минувшему времени, ведетъ лѣпосчисленіе свое опъ *вѣка Троянова*. Вы помните начало 6 Главы: *Были вѣка Трояновы, минули мѣта Ярославовы!* Пѣснь Всеславу Полоцкому начинается также *на седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ* (хотя *седьмое* число здѣсь ошибка преданія или списка).

Боянъ, воспѣвавшій Всеслава, Олега, Святослава, по словамъ Пѣвца Игоря: *рискалъ по тропу Трояню*, т. е. по дорогѣ Трояновой, упоминаемой и въ народной пѣснѣ вѣка Екатерины, и слѣды коей (via Трояні) оспались понынѣ. — Наконецъ и земля Русская въ Пѣсни названа *землею Трояноюю*. Такое преданіе о Троянѣ на Руси въ XII вѣкѣ (идущее отъ Дунайскихъ Славянъ, или, можетъ быть, отъ Грековъ, коихъ колоніи были на Днѣпрѣ въ вѣкѣ Трояновъ) показываетъ, какою долгою и громкою славою утвердиль о себѣ память Императоръ Римскій, именемъ коего называли у насъ даже Князя Владиміра.

Замѣтимъ еще, что древле-Славянская рѣка *Дунай*, по нынѣ оспающаяся въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ поэпически-нарицательное имя рѣки вообще, въ Пѣсни Игорю упоминается нѣсколько разъ, иногда въ собственномъ, а иногда въ такомъ же нарицательномъ значеніи (вмѣсто Дона).

в) *Битва и смерть.*

Въ Пѣсни Игорю находящяся нѣсколько карпинь биввы и смерпи весьма поразительныхъ и совершенно народныхъ.

Поле жаввы обратилось въ поле брани: вопъ, кажешя, задушевная мысль Южно-Русскаго Пѣвца, съ которою онъ представляешъ бивву на родимой землѣ своей: ибо онъ изображаешъ ее красками земледѣльческаго быта — пашнею, посѣвомъ, молотьбою. Не олизывается ли здѣсь духъ древняго земледѣльца, попомъ увлеченнаго на войну и въ ней возмужавшаго? . . .

Тогда при Олегъ Гориславичъ (земля Русская) застѣвалась и росла междуусобіями; погибала жизнь Дажьбогова внука. Тогда рѣдко по Русской землѣ восклицали оратаи; но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, и галки перекликались своимъ говоромъ, собираясь летѣть на покормку.

«Тогда при Олѣ Гориславичѣ сѣяшешя и распяшешъ усобицами; погибашешъ жизнь Дажь-Божа внука . . . тогда по Русской земли рѣдко рапаевѣ кыкахупъ: нѣ часпо врани граахупъ, шрупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхупъ, хопяшъ полешѣпи на уѣдіе» (Гл. 6).

Изображая бивву на рѣкѣ Каялѣ, Пѣвецъ говоритъ (Гл. 7):

«Чрѣна земля подѣ копышы коспѣми была посѣяна, а кровію поляна; шугою въздоша по Русской земли.»

*Черная пашня подъ копытами была застыла
костями, полита кровью; возшла пегалью по
Русской земль.*

Вопъ еще прерпья карпина: битва на Нементъ.
(Гл. 10):

«На Немизѣ снопы спелюпъ головами, моло-
пяпъ чеи харалужными, на поцѣ живопъ кладупъ,
вѣюпъ душу опъ тѣла. — Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхупъ посяни, посяни коспьми Рус-
скихъ сыновъ.»

*На Нементъ не снопы стелютъ — головы, мо-
лотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ
жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега
Немена не добромъ (?) были застыны, застыны
костями Русскихъ сыновъ. . .*

Подобно Пѣвцу Игоря и шеперь поепъ про
поле битвы Южный Русинь:

«Черна роля заорана,	<i>Вспахана черная пашня,</i>
И кюлями застына,	<i>Застыла пулями,</i>
Бѣлымъ шѣломъ зволочена.	<i>Взборонена бѣлымъ тѣломъ,</i>
И кровію сполощена.	<i>Взмогена кровью.</i>
Лежишь войкъ на купинѣ. . .	<i>Лежитъ воинъ на купинѣ. . .</i>
А ни шруны, а ни ямы,	<i>Ни гроба, ни ямы,</i>
А ни вощй, а ни мамы;	<i>Ни отца, ни матери;</i>
А нѣкому задзвониши,	<i>Некому позвонить,</i>
А нѣкому зашужини.	<i>Некому потужить.</i>
Дзвоняшь кони копышѣми,	<i>Звонятъ кони копытами,</i>
А воякѣ оспрогѣми;	<i>А воины шпорами;</i>
Лешинь воронъ	<i>Летитъ воронъ</i>
Зѣ чужихъ споронъ,	<i>Сѣ чужихъ сторонъ,</i>
На могилѣ усѣдае,	<i>Садится на могилѣ,</i>
Очи ѣму выпивае. . .» (*)	<i>Выпиваетъ его очи. . .</i>

(*) См. Украинскія народныя Пѣсни. Ч. I, Пѣсня Бозацкія.

И такъ уподобленіе поля битвы нашиѣ есть черта Южно-Русской Поэзіи, которая также (подобно Поэзіи и другихъ народовъ) оставляетъ пруть война обыкновенно въ добычу ворону:

«Ой шамъ Козакъ убишь лежить;
Въ головонькахъ воронъ криче,
А въ нѣженькахъ кошикъ плаче.»

или

«Воронъ прилѣшае, въ вочи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, кости покидае.»

Что касается до представленія смерти, то въ Пѣсни Игорю находящіяся также при небольшія, но не менѣе прекрасныя карпины оной.

Въ одной изъ нихъ смерть Русскихъ воиновъ въ битвѣ на Каялѣ уподоблена брачному пиру: и это уподобленіе встрѣчается также не только въ Украинской и Велико-Русской, но и въ Новогреческой народной Поэзіи.

Въ Пѣсни Игорю (Гл. 7):

«Ту кровавата вина недосна; шу пирь докончаша храбри Русичи, свапы попонша, а сами полегоша за землю Русскую.»

Въ Украинской Пѣснѣ. «Ой конь бѣжить, права шумишь» — умирающій Козакъ посылаетъ прощальный поклонъ матери черезъ коня своего и поручаетъ не говорить ей, что онъ убишь уже:

«Ты скажи, коню, що я оженився,
Да понявь собѣ паняночку —
Въ чиспѣмъ полѣ земляночку.»

Въ одной изъ лучшихъ Велико-Русскихъ Пѣснѣ

«Ужь какъ палъ шуманъ на синё море» Русскій воинъ такъ же говоришь коню своему:

«Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ —
На другой женѣ, мать сырой землѣ;
Что за ней я взялъ поле чистое,
Нась сосватала сабля острая,
Положила спашь каленà спрѣла.»

То же находите вы и въ *Послѣднемъ прощаніи Клефты*, любимой Пѣснѣ Байрона (см. Простонарод. Пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, перевод. Н. Гнѣдичемъ, 1825):

«Не сказывай другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный;
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ,
Что спала несчастному черна земля мнѣ женой,
И пещею камень, а брашьями оспры кремни.»

И такъ это уподобленіе смерти въ бившѣ брачному пиру и усыпленію, и земли невѣстѣ, естъ черта свойственная не одной нашей народной Поэзіи, черта весьма поэтическая и многозначительная: воинъ за родину и славу встрѣчаетъ смерть въ бою радостно, какъ брачное веселіе!

Другая картина представляетъ смерть Князя Бориса слѣдующимъ образомъ:

«Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе,
и на каниву зелену паполому поспла.» (Гл. 6).

Бориса же Вячеславича слава на судъ привела, и на шелковій зеленый покровъ положила.

Здѣсь смерть называется уже *судомъ*, такъ же какъ и слова Бояновы: «Суда Божія не минуши» значашъ — не миновашъ смерти.

Наименованіе смерти *судомъ*, *судомъ Божиимъ*, встрѣчается и въ другихъ Русскихъ памятникѣхъ того вѣка. Въ Поученіи Мономаховомъ выраженія: «ему судъ пришелъ, — ему судъ отъ Бога пришелъ» также означаютъ смерть; и также понятіе о смерти показывается глубокую преданность воли Божіей, высказанную народомъ и въ пословицахъ: «все въ мірѣ пворится не нашимъ умомъ, а Божиимъ судомъ; — Богъ души не вынешъ, сама душа не выйдешь.» Тутъ можно вспомнить еще и изрѣченіе Екклесіастово: «Иди, куда ведишь сердце твое и куда глядишь глаза твои, только знай, что Богъ за все сіе приведетъ тебя на *судъ*!»

И такъ видите, на какой судъ — на смерть, привела слава Князя Бориса. — На какомъ же шелковомъ зеленомъ покровѣ она его уложила? . . . Это зеленая, шелковая права, покрывающая собою ту же смертельную невѣсту, ту же мать-сырую-землю.

Сіе понятіе о смерти и прежнее представленіе оной можно согласовать тѣмъ, что оба они имѣютъ основаніемъ одну мысль *предопредѣленіе*: ибо, подобно смерти, и бракъ почиается у насъ *судьбою*, почему женихъ и невѣста называются *сужеными*.

Выраженіе «на роду написано» показываетъ ту же мысль народа о судьбѣ и предопредѣленіи относительно рожденія. Такимъ образомъ эта мысль обнимаетъ собою всю жизнь въ прехъ главныхъ ея минушахъ — началъ, срединѣ и концѣ, рожденіи, бракѣ и смерти; и про участь, про до-

лю цѣлой жизни говорится въ народѣ: «счастли-
вому паланъ ошъ Бога данъ!»

Посмотримъ еще на одно изображеніе смерти.
«Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони
своими оспрыми мечи о шеломы Липовскія;
пришрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ
чрълеными щипы на кровавѣ правѣ припреганъ
Липовскими мечи. И схопи ю на кровавѣ, и рекъ:
дружину швою, Княже, шпиць крылы пріодѣ, а
звѣри кровь полизаша. Не бысь шу брапа Брячя-
слава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони ме-
лечюжну душу изъ храбра шѣла, чрезъ злапо оже-
реліе. Унылы голоси, пониче веселіе; шрубы шру-
башъ Городеньскіи.» (Гл. 10) Здѣсь оиашъ такія
же все кровавыя краски: смертною постелью Кня-
зю, подъ багровыми щипами, служилъ окрова-
вленная права; смертный покровъ дружинѣ состпа-
вляюшъ распроспершыя надъ нею крылья хищныхъ
шпиць, и кровь ея полизали звѣри.

Но обратимъ вниманіе на изображеніе кончины
Князя: *онъ одинъ безъ братьевъ, изронилъ свою
жемчужную душу, изъ храбраго тѣла чрезъ зо-
лотое ожерелье.* Какое нарядное, протапельное и
совершенно народное изображеніе исхода души.
Душа представлена какъ любимое сокровище, какъ
перло многоцѣнное: ибо Славяне весьма дорожили
этимъ произведеніемъ Природы, и въ X вѣкѣ (по
свидѣтельству Фоцдана) плапили по драхмѣ золо-
та за жемчужину для женскаго ожерелья; припомъ
это сокровище печальное, ибо крупный жемчугъ,
по Русскому повѣрью, составляетъ примѣшу слезъ
(какъ и въ самой Пѣсни Игорю). — Золотымъ

ожереліемъ иносказательно названа впадина, гдѣ опъ груди начинается шея; на это мѣсто и теперь укажешь просполюдинъ, если спросишь у него: гдѣ у тебя душа? и чрезъ это-по золотое ожерелье изронилъ свою жемчужную душу Князь Изяславъ, и при томъ *одинъ* (какъ сказано дважды); и въ этомъ одиночествѣ смерти еще болѣе печали, чѣмъ въ одиночествѣ жизни, особенно для воина Южно-Русскаго, какъ видно изъ народныхъ Пѣсень. *Уняли голоса, поикло веселіе; трубы трубятъ Городенскія*: вопъ похоронные звуки въ вѣчную память Князя, какими и Поэзія Украинская обыкновенно поминала смерть Казаковъ своихъ (*).

Такова красота здѣсь поэпического погребальнаго наряда, который, вмѣстѣ съ предыдущими ему кровавыми изображеніями и послѣдующимъ поминовеніемъ, составляетъ прѣпью, полную, совершенно народную картину смерти.

г) *Любовь къ пѣснопѣнію.*

Естественнo, что Пѣвецъ Игоря исполнилъ любви къ пѣснопѣнію, не только лично, какъ Пѣвецъ споль паланнй, но и народно, какъ Славянинъ вообще, какъ Южный Русинъ въ особеннoсти. Поэтому прекрасное начало Пѣсни своей онъ посвя-

(*) На примѣръ въ Думѣ XVI вѣка о *Федорѣ Безродномѣ*, въ Думѣ XVII вѣка объ *Иванѣ Коновтеникѣ* (См. Украинск. народ. пѣсни, Ч. I, Дума 2 и 9). Въ концѣ первой изъ нихъ говорится: *онъ со сѣбли прощася, милосердолу Богу отдалъ душу. Тогда Козаки саблями копали судоходъ, выгребали землю шапкали и приполами, хоронили Федора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей и жалобно выхваляли его объ трубахъ: дѣло Козацкая голова знала, что безъ войска Козацкаго не улирала.*

пиль Бояну, копорато величаемъ именовъ *въщаго*, копорато называемъ *соловьемъ стараго времени*, къ копорому неоднократно обращаемся, какъ своему вдохновителю, и приводимъ слова его, какъ изреченія вѣщей мудрости (*). Но онъ пакъ любимъ, пакъ величаемъ Бояна, какъ Пѣснопворца спараго времени, прежнихъ Князей и прежней славы Русской: ибо сія любовь къ пѣснопвѣнію у нашего Пѣвца слипа съ любовью главною, рѣдинною.

По этому у него и женская Пѣсня служимъ орудіемъ для выраженія общеспвеннаго чувспа. Такъ по плѣненіи Игоря: «Гопскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю (п. е. въ Крыму); звоня Рускымъ злапомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ меспъ шароканю» (Гл. 9). Но когда Игорь возвратился на Русскую землю: «Дѣвици поютъ на Дунаѣ; выюпся голоси чрезъ море до Кыева.... спраны ради, гради весели, пѣвше пѣснь спарымъ Княземъ, а попомъ молодымъ» (Гл. 14).—Воспѣвая пѣснь Донцу, Пѣвецъ обращается въ минувшее, вспоминаемъ о Роспиславѣ;—въ самой Пѣсни Ярославны находиме славословіе побѣдипелю Кобяка.

д) *Любовь женская.*

Но женская Пѣсня собспвенно еспъ выраженіе любви женской. Въ Пѣсни Игорю ихъ двѣ: *Пѣсня Русскихъ женъ* и *плачь Княгини Ярославны*.

(*) Тутъ можетъ родиться вопросъ: не воши ли еще и другія Пѣсни или опривки въ соспавъ Пѣсни Игорю, кромѣ пѣхъ, кои именно приписаны Бояну? Можно думать, что это было, хотя не лзя сказатъ о семъ опредѣленно. Такъ пѣснь о Всеславѣ, имѣ кажешся, не принадлежимъ самому Пѣвцу. Но что въ Пѣсни Игорю много выраженій, до пел упошреблявшихся и любимыхъ Русскою Поззіей, это дѣло ясно.

О погибели Игорева войска: «Русскыя жены всплакашась, аркучи (*говоря*): уже намъ своихъ милыхъ ладъ (*мужей*) ни мыслію смыслипи, ни думою сдумани, ни очима съглядапи; а злата и серебра ни мало шого попрепати!» (Гл. 6).

Какъ это совершенно по Русски! И шеперь еще услышите такія же жалобныя поминальныя рѣчи жены или мащери, убивающейся надъ гробомъ роднаго покойника.

Но другая пѣснь, *плачь Ярославны* объ Игорѣ, ошличается народно-образцовою, высокою красою, и замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ по мѣсту и назначенію своему въ составѣ цѣлой Пѣсни Игорю. Между пѣмъ, какъ Пѣвецъ напрасно зываетъ о помощи къ Князьямъ:

Слышенъ голосъ Ярославны; пустынной кукушкою онъ раздается съ утра: Полегу, говоритъ, кукушкою по Дунаю; омогу бобровый рукавъ въ Каляль рѣкѣ, отру Князю кровавья его раны на крѣпкомъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивль городъ на оградѣ, говоря: О вѣтеръ, вѣтеръ! За тѣмъ, господинъ мой, такъ напротивъ вѣешь? За тѣмъ на вольныхъ крыльяхъ своихъ мгишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего мужа? Мало ль тебѣ было горь подъ облаками вѣять, лелюги корабли на синемъ морѣ! За тѣмъ же, господинъ мой, веселіе мое по ковыли развѣялъ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивль городъ на оградѣ, говоря: О Днѣпръ, сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецъ-

кую! Ты лелѣялъ на себя суда Святославовы до войска Кобякова: взлелей же, господинъ мой, ко мнѣ моего мужа, чтобъ не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивль городъ на оградѣ, говоря: Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты! За тѣмъ же, господинъ мой, простерло горягій мужъ свой на мужскихъ воиновъ? Въ безводномъ полѣ жаждою имъ муки светло, печалью имъ колнаны заткало?

Но прочтемъ лучше эту прекрасную Пѣсню въ подлинникъ (Гл. 12):

«Ярославнынь гласъ слышишь; зегзицею незнаемъ рано къчешь: Полечу, рѣче, зегзицею по Дунаеви, омочью бобрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцъ, упру Князю кровавыя его раны на жестоцемъ его пѣлѣ!

«Ярославна рано плачешь въ Путивль на забралѣ, аркучи: О вѣпре, вѣприло! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи хиновскыя спрѣлки на своею непрудною крилицю на моя лады вои? Мало ли ши бяшешь горь подь облаки вѣяпи, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?

«Ярославна рано плачешь Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словупицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Половецкую; шы лелѣлъ еси на себѣ Святослави носады до пльку Кобякова. . . взлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!

«Ярославна рано плачешь въ Путивль на забралѣ, аркучи: Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Всѣмъ пе-

пло и красно еси! . . . Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, шугою имъ шули запче. . . .» (Гл. 12).

Сколько жизни и Поэзіи въ эпихъ укоризнахъ и мольбахъ Природѣ опъ одинокой, поскующей любви, въ эшой увѣренности, что Природа принимаешъ учаспіе въ дѣлахъ ея Князя и услышишь ея голосъ.

Такими довѣрчивыми обращеніями къ Природѣ исполнена Поэзія Украинская, и можно сказать, что эшопъ плачь Ярославны еспъ тема, которая разнообразно распѣвается въ дышащихъ любовію женскихъ Пѣсняхъ Украины.

Но Пѣсня Ярославны имѣешъ еще другую красочу, другой глубокой смыслъ, по мѣсту и значенію ея въ составѣ цѣлой Пѣсни Игорю. Она назначена средствомъ къ спасенію Игоря, и разсмотрѣніемъ ея въ семъ отношеніи мы перейдемъ къ разсмаприванію Пѣсни Игорю относительно духа Вѣры и вѣрованій.

Б. *Духъ Вѣры.*

Послѣ того какъ Пѣвецъ съ награсною надеждою зывалъ къ Князьямъ и дуемою уносился въ минувшее, онъ обратился къ Природѣ голосомъ женской любви: и Природа услышала сей голосъ, и опоздалась на него благошворно своими спихіями, дополѣ враждовавшими съ Игоремъ, «Прысну море полунощи; идупъ сморци (смерчи) мыглами: Игореву Князю Богъ пушь кажешъ изъ земли Половецъ»

кой на землю Рускую къ опию злашу ешолу.... Овлуръ свисну за рѣкою, велишь Князю разумѣши. Князю Игорю не бышь!»... (Гл. 13). И кто же сей Овлуръ, избавившій Игоря изъ плѣна отъ поганыхъ Половцевъ? это *крещенный Половецъ*, у Лѣтописцевъ называемый Лавромъ. И такъ посредствомъ Половца же Богъ кажеть пунь Игорю на землю Русскую: и не могли ли Пѣвецъ Игоря сказаць вмѣстѣ съ другими нашими предками: Великъ Русскій Богъ! Но какая глубокая мысль Пѣвца,—сие избавленіе Игоря представивъ опѣвомъ на плачь Ярославны, вымолишь его силою любви и проспосередной вѣры въ Природу.

Глубокую преданность волѣ Божіей мы замѣтили выше сего въ представленіи смерти *судомъ Божіимъ*, какъ бы началомъ всемірнаго Спрашнаго Суда. И не сообразилъ ли съ Христіанствомъ сей *Божій судъ* по снарому Русскому пониманію, нежели пошъ *судъ Божій*, копорымъ пыпали въ по время на Западѣ Европейскомъ? Было и на Руси погда испытаніе желѣзомъ и водою, какъ видѣли мы въ Русской Правдѣ; но по крайней мѣрѣ сего жестокаго суда человеческого Русскіе не совершали во имя Божіе.

а) *Христіанство.*

Изъ эшихъ двухъ примѣровъ видно, что въ Пѣсни Игоревой ешь вѣра, ешь чувствво Религіи врожденной; собспвенно же Христіанство видно изъ того, что Игорь, по избавленіи своемъ (Гл. 14), *ѣдетъ въ Кіевъ на поклоненіе Святой Богородицѣ Пирогощей*; что Пѣвецъ въ заключеніе Пѣс-

ни своей восклицаетъ: *да здравствуютъ Князья и дружина, поборая за Христианы на поганые полки!*

6) *Слѣды язычества.*

Слѣдовъ прежняго *Славянскаго язычества* въ Игоревой Пѣсни немного: упоминаются только три бога: *Дажь-богъ, Стри-богъ и Велесъ* (Волосъ), и то не прямо, и въ смыслѣ болѣе поэтическомъ, нежели религіозномъ. А именно: «Се въпри, Спри-божи внуци, вѣюпъ съ моря спрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы» (Гл. 5); «въспѣши было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!» (Гл. 2); *погибающую отъ крамоль Княжескихъ жизнь Дажьбожа внука* мы видѣли выше; еще въ другомъ мѣстѣ говорится: *встала обида въ силахъ Дажьбожа внука*. Болѣе сего уже не вспрѣчается Славянскихъ боговъ; два изъ нихъ призваны Пѣвцомъ, такъ сказать, только для родословія своего народа и Пѣвца славы его, для того чпобы возвеличить происхождение *Бояна* отъ одного изъ главнѣйшихъ боговъ — *Велеса*, и происхождение *Русина* отъ *Дажьбога* почипавшагося подашелемъ всѣхъ благъ. Такая почпи общечеловѣческая мысль о высококомъ происхожденіи челоуѣка глубока въ своей основѣ; а въ эпихъ нѣкогда *богахъ*, у Пѣвца же — только *праотцахъ*,— для насъ болѣе жизни, чѣмъ въ *богахъ* Элады; въ эпихъ *внукахъ* *Дажьбога* и *Велеса* болѣе нашей Поэзіи, чѣмъ въ *любимцахъ* *Аполлона*, въ *питомцахъ* *Музы* и *Ирацій*: ибо то отголоски нѣкогда живыхъ вѣрованій нашего народа, копорыя перешли въ него съ кровью и молокомъ матери,

съ роднымъ языкомъ его, росли вмѣстѣ съ нимъ, и потомъ оспались какъ мечпы юноспы, всегда для насъ поэпической. Русины-Христіане попопили кумиры прежнихъ боговъ своихъ; но памяпъ объ нихъ оспалась для Поэзіи, поклоненіе имъ обрапилось въ игру жизни. И не лучше ли это, чѣмъ Христіанину, уже просвѣщенному, возобновляпъ давно умершихъ боговъ классическаго язычества и вводипъ ихъ не только въ Поэзію, но даже въ Христіанскую проповѣдь, какъ было и у насъ въ XVII вѣкѣ, по примѣру Западныхъ Проповѣдниковъ.

в) *Вѣрованія въ міръ духовъ.*

Но сильнѣе оспалось въ народѣ прежнее вѣрованіе въ *духовный міръ*, прежнія понятія о невидимыхъ существахъ сего міра. Христіанство положивъ крестпъ свой на Русина, просвѣпивъ врожденную, сердечную его вѣру въ Бога понятіемъ о Богѣ испинномъ, не изгладило изъ его памяпи тѣхъ мечпательныхъ образовъ, подъ копорыми его воображенію являлись злые и добрые духи, души умершихъ. И шеперь еще поселянка Русская, съ крестнымъ знаменіемъ на груди, съ именемъ Христовымъ на ухахъ, оглядывается въ пощемахъ, боясь нечиспой силы, недобраго духа, мечпающагося ей въ видѣ кикиморы, лѣшаго; — бережеть добраго духа, своего *хозяина, домоваго*; вѣрипъ превращенію умершихъ не крещеными младенцевъ въ Русалокъ, и п. п. Изъ всего этого мечпательнаго міра духовъ у Пѣвца Игора являющіеся два существа: недобрый дивъ и олицетворен-

ная обида подь видомъ дѣвы съ лебедиными крыльями.

Дивъ, злой духъ шмы, являешся дважды. Одинъ разъ въ то время, когда зашмившееся солнце *заступило тмою путь Игорю*, когда день внезапно обратился въ ночь и *отъ грознаго стона ея пробудились птицы и раздался свистъ звѣриный: Дивъ кличетъ сверху древа, велитъ послушать землю неизнаемой (Половецкой), Волгъ и Поморію и Посулю, и (городамъ Крымскимъ) Сурожу и Курсую, и тебѣ истуканъ (блѣванъ) Гмудараканскій (Гл. 3).* Въ другой разъ, когда Половцы опять *простерлись набѣгами по Русской земль, когда хула нанеслась на хвалу, насиліе разразилось надъ волею: и Дивъ низвергся на землю.*

«Уже снесся хула на хвалу, уже пресну нужда на волю; уже врѣжеса дивъ на землю!» (Гл. 9).

Слово *дивъ* значить буквально по же, что диво, чудо, чудовище; и по-Польски *dziw*; но сіе имя и значеніе его напоминаетъ намъ злыхъ духовъ, *дивовъ*, служителей верховнаго духа шмы Оримана — сего Чернобога Персидскаго.

Обида опъ Половецъ, по выраженію Пѣвца Игоря, *«вступаетъ на землю Русскую дѣвою, всплескавши лебедиными крылы на синемъ морѣ, плещуги у Дону»* (Гл. 8). Эта дѣва-обида напоминаетъ намъ Липовскую Дѣву-Чуму, которая отневымъ плапомъ навѣваешъ смерть заразы на землю. Замѣчательно, что зараза и у Русскихъ предспавляешся въ видѣ женщины, и *коровьей смерти* прошиводѣйствуютъ Русскія крестьянки

особымъ обрядомъ: дикая ночная оргія ихъ вокругъ зараженнаго села извѣстна подъ именемъ *окапы-ванія*; холера мечпалась народу нашему шакже въ видѣ женщины.

г) *Вѣрованіе въ чудесное.*

Вѣра въ чудесное свойственна челоѡкѣ, такъ же какъ и сама Природа не чужда онаго. Сія вѣра перерождается въ многочисленныя, разнообразныя *суевѣрія*, — неодолимое спремленіе разгадывать будущее, склонность къ ворожбѣ, волшебству, колдовству, чародѣйству; вѣра въ сны, въспрѣчи и вообще въ *примѣты*. Суевѣрію и спраспти къ чудесному разнаго рода подвержены были почти всегда люди, даже великіе и образованные, вопреки силѣ своей воли, голосу разума и Религіи. Суевѣріе сильное было между Русскими въ древности, хопя ихъ учили Церковныя называли оно *наушеніемъ и навожденіемъ дьявольскимъ*; сильно оно было и въ средніе вѣки наши, хопя и не въ шакой степени, какъ было волшебство на Воспокѣ, и даже на Западѣ; оно оспалось и понынѣ, особенно вѣра въ *сны* и *примѣты*, копорая въспрѣчается даже въ высшемъ классѣ народа, преимущественно же между женщинами. Немного правды въ эшихъ примѣшяхъ, рѣдко сны биваютъ предвѣщательныя; но эти всѣ виды суевѣрія, имѣя основаніемъ своимъ *чудесное, мегстельное, тайное*, заключающъ въ себѣ много Поэзіи.

Пѣвецъ Игоря воспользовался эшимъ чудеснымъ для своей Пѣсни, особенно въ *снѣ Святослава*.

когда печаль овладѣла умомъ его, или какъ говоришь Бояре: «уже, княже, пуга умъ полонила.»

Видѣлъ я,—говорить имъ Князь,—*въ Кіевѣ на горахъ въ эту ночь одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати тесовой; терпали мнѣ синее вино, съ отравою (шрудомъ) смѣшанное; на лоно мнѣ сыпали тощими тулами (*) крупный жемчугъ, и нѣжатъ меня; а доски уже безъ князя (кнѣса) на моемъ златоверхомъ теремѣ, и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы (босуви) вороны. . . .*

Въ этомъ снѣ примѣны все народныя; черный покровъ и нынѣ считаеяся праурною примѣною печали; карканье ворона всегда было дурнымъ предвѣстіемъ; доски безъ мапицы или верхней перекладки (называемой также *конемъ* и *княземъ*) нынѣ означающъ лишеніе членовъ семейства; *крупный жемчугъ* и теперь есть предзнаменованіе слезъ, какъ и въ Пѣсни Игоря, по словамъ коей (согласно съ летописью): «погда Великій Святиславъ изрони злопо слово слезами смѣшено.» У Русскихъ вспарину были цѣлыя волшебныя книги (въ XVI вѣкѣ названныя *отехенными* или *еретическими*), напр. *Чаровникъ*, *Волховникъ*, *Коледникъ*, *Еромникъ*, *Мысленикъ*, *Сносудецъ*: въ нихъ излагались волхванія, гаданія сновъ и судьбы, по разнымъ примѣнамъ, особенно по звѣрямъ и птицамъ; было также и аспрологическое гаданіе судьбы по свѣпиламъ. Въ книгѣ Волховникъ *воронограй*, *страшенъ сонъ* означали недоброе; щекошанье сороки, волчій вой,

(*) Здѣсь въ подлинникѣ находящся еще два слова: «поганыхъ шльковнѣ», доселѣ не объясненныя.

появленіе даяла — считались также примѣтами, какъ и въ Пѣсни Игорю.

д) *Вѣра въ знаменія Природы.*

Но возвышеннѣе сихъ вѣрованныхъ вѣра въ знаменія Природы, которая была сильно распространена на Руси между самими церковными людьми. Знаменія почитались чудесными, предвѣщательными явленіями Природы, посылаемыми опъ Бога и къ добру и къ худу. Къ числу ихъ принадлежишь и *полное затмѣніе солнца*, бывшее на небѣ предъ неудачнымъ походомъ Игоря на Половцевъ: *Игорь воззрѣвъ на свѣтлое солнце, и видитъ, что отъ него покрылось тмою все его воинство* (Гл. 2). Печальное знаменіе это было ему не къ добру; но ему было *лучше быть изрублену, нежели плену*. . . . Чудесное и споль рѣдкое явленіе Природы, какъ полное зашмѣніе солнца, было погда въ самомъ дѣлѣ 1 Мая, въ день Пророка Іереміи, « На вечерни (говорить Лѣтописецъ) бысть знаменье въ солнцѣ—и морочно вельми, яко и звѣзды видѣши человѣкомъ; въ очью яко зелено баше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаромъ исхожаше: и спрашно бѣ видѣши человѣкомъ знаменіе Божіе!» И эпою чудесною дѣйствительностию Природы, лучшею всякаго чудеснаго вымысла, Пѣвецъ воспользовался для своей Исторической Пѣсни; и не сама ли Природа эшимъ вѣщамъ зашмѣніемъ утвердила Пѣвца въ той вѣрѣ, что она принимаетъ участіе въ его Героѣ и въ дѣлахъ земли Русской?

е) *Вѣтра въ Природу и сочувствіе съ нею.*

И эша вѣра въ жизнь и сочувствіе Природы съ чловѣкомъ естъ господствующая вѣра у Пѣвца Игоря. — Потому и ему даешь сполько вѣры, и любишься не какъ вымысломъ, когда онъ изображаетъ споль часто живое и такъ сказать личное участіе Природы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ его, когда на пр. описавъ смертельное упоеніе Русскихъ на рѣкѣ Каалѣ, гдѣ *пустыни силу прикрыли*, онъ изображаетъ печаль прибрежной Природы: «Ничипь права жалощами; а древо съ пугою къ земли приклонилось.» Въ Пѣсни Ярославны, вы видѣли уже прекрасное выраженіе сей вѣры въ Природу и бесѣду съ нею Княгини за Игоря: теперь послушайте еще разговоръ Игоря съ рѣкою Донцомъ, привѣщующимъ его освобожденіе, и полюбуйтесь заботливостію доброй рѣки о своемъ Князѣ.

Донецъ говоритъ: Князь Игорь! не мало тебѣ велигія, а Конгаку досады, а Русской земль веселья! — Игорь говоритъ: о Донецъ! не мало велигія и тебѣ; ты лелѣялъ Князя на волнахъ своихъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ берегахъ серебряныхъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ стнїю зеленого древа; ты стерегъ его зоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями () на вѣтрахъ. Не такова ли рѣка Стугна? Не добрую струю имля, она поглотила*

(*) Родъ ушки, *anas fuligula*.

гужіе руги и разметала струги по кустамъ!
Днѣпръ затворилъ свои темные берега тоному
Князю Ростиславу: и плачется мать Ростис-
лавова по юношѣ Князь Ростиславъ; уныли
цвѣты отъ жалости, а древо съ печалью къ зе-
мль преклонилось (Гл. 13).

Такая жизнь, такое одушевленіе Природы яв-
 ляется въ цѣлой Пѣсни; Пѣвецъ вѣрно изображаетъ
 Природу, или лучше сказать, ея живописуетъ; —
 и про него, какъ первенствующаго Пѣвца Южно-
 Русскаго, можно сказать стихами Баратынскаго
 (къ Гёте):

Съ Природой одною онъ жизнью дышалъ,
 Ручья разумѣлъ лепешанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовала правъ прозябанье.

Впрочемъ, это послѣднее чувство къ *Природѣ*
растительной раскрылось собственно въ Поэзіи
 Украинской; Пѣвцомъ же Игора всего болѣе любимы
 высшіе классы Природы, *птицы и звѣри*, въ коихъ
 жизнь Природы развитѣе и одушевленнѣе, — осо-
 бенно птицы, у коихъ и вѣщій смыслъ Природы
 всего сильнѣе, и голосъ наспироевъ шакъ звонко
 для пѣсни, копорья самимъ полешомъ своимъ онъ
 земли въ вышину согласнѣе съ воспорженіемъ души
 въ поэпическомъ ея вдохновеніи. Въ этомъ вос-
 порженномъ состояніи душа Пѣвца, близкая къ
 Природѣ, всупааетъ съ нею въ тѣснѣйшій союзъ;
 тогда Пѣвецъ живѣе чувствуетъ ея живые пред-
 меты, и въ нихъ видить яснѣе, находить вѣрнѣе
подобіе съ поэпическими предметами души своей;

погда предметы Природы становяся символами
его собственнѣхъ думъ, приходящѣ сами для вы-
раженія оныхъ, и Пѣвецъ выражаетъ себя живымъ,
предметнымъ языкомъ Природы. Отсюда непре-
спанныя уподобленія и метафорическій способъ
выраженія не выисканный, не искусственный, но
необходимый и естественный.

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ, ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ.

Объ образъ выраженія и языкъ.

Въ предыдущемъ чтеніи я показалъ, какимъ образомъ изъ сочувствія Пѣвца съ Природою, происходитъ его способъ выраженія своихъ думъ предметами Природы, его метафоризмъ необходимый и естественный, а не изысканный, не искусственный. Посему *уподобленіе* есть главное дѣйствование въ его Поэзіи; а *подобіе* — главный образъ выраженія въ его Пѣсни, сославляющій истинную красоту въ ней, а не прикрасу. Разсмотримъ же различные опредѣленные виды подобія, и покажемъ ихъ народность.

О подобіяхъ.

Всего чаще у Пѣвца предметъ Природы служитъ одною изобразительною черпою какого-либо свойства или движенія: это подобіе назовемъ

простымъ. Сей родъ подобія принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положишельному, отрицательному и положишельно-отрицательному.

I. Подобіе *положительное* или *прямое*, по обороту рѣчи, въ какомъ оно является, имѣеть слѣдующія при разности.

а) При изображеніи какого-либо одного (единичнаго) предмета, подобіе обыкновенно у Пѣвца выражается *творительнымъ падежемъ* того предмета, опъ коего оно заимствуется. То же находимъ и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ, и въ разговорной рѣчи: и это принадлежитъ къ свойствамъ языка Русскаго.

Въ примѣръ можемъ привести бѣгство Игоря, гдѣ для каждаго его движенія Пѣвецъ находить образъ въ предметахъ Природы: «Игорь Князь поскочи *зорностаемъ* къ шроснію и бѣлымъ *гоголемъ* на воду; вѣвржеса на брѣзь комонь, и скочи съ него, и босымъ *влькомъ* попече къ луку Донца, и полешѣ *соколомъ* подъ мыглами, избивая гуси и лебеди..»

Подобное изображеніе разнообразнаго движенія одного лица многими предметами находише въ Пѣсняхъ Украинскихъ (У. П. стр. 63).— Тоскующая сеспра зоветъ брата съ чужой стороны. «Какъ могу» говоришь онъ «прибышь къ шебѣ»

- «За шемными за лѣсами,
- «За дальними за шепами,
- «За быспрыми за водами?»

— «Черезъ шемный лѣсъ — яснымъ *соколомъ* лепи,
 «Черезъ быспрыи воды — бѣлымъ *лебедемъ* плави,
 «Черезъ спешы далекіи — *перепелогкомъ* бѣжи,
 «На моёмъ, брате, подвѣри — шы *голубонькомъ* пади!»

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣннн *объ Иванъ Годиновичъ*:

«Скоро онъ вражду чиниль,
 «Обернешя гнѣдымъ шуромъ,
 «Чистыя поля *шуромъ* перебѣжалъ,
 «Темные лѣса *соболемъ* перебѣжалъ,
 «Быспрыя рѣки *соколомъ* перелешаль.»

Такимъ же образомъ Пѣвецъ Игоря рисуешъ иногда и движенія мысли. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хошяще пѣснь пвориши, по распекашешя мыслию по древу, *сѣрымъ влѣкомъ* по земли, *шизымъ орломъ* подъ облакы.»

б) Другой оборотъ положительнаго подобія выражаешя проспѣйшимъ, обыкновеннѣйшимъ образомъ, посредствомъ *сравнительныхъ союзовъ: акы, яко, рци* (словно). Замѣчу однако же, что въ Пѣсни Игорю сей оборотъ употребляешя только тогда, когда уподобляемый предметъ будетъ множественнаго числа, или же имени собирательнаго. Это видно изъ слѣдующихъ яппи случаевъ сего оборота, находящихся въ Пѣсни Игорю:

«По Русской земли проспрошася Половцы, *акы* пардуже гнѣздо.» — «Куряни — *акы* сѣрыи влѣци.»

«Крычанъ шелѣгы (*Половецкія*) *полуноци* (ш. е. о полуночи), *рци* лебеди роспущени.» Подобіе понятное для всякаго, кто слышалъ какъ кричанъ и поющъ арбы Ташарскія.

«Ты буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли храбрая дружина рыкають *акы* пури, ранени саблями калеными?»

«А пы буй Романе и Мешиславе! . . . высоко плаваеши на дѣло въ буеспи, *яко* соколь на вѣтрѣхъ ширяея, хопя ппицю въ буйспивѣ одолѣши.» (1).

Сего оборота положительныя подобія вспрѣчаются также въ народныхъ Пѣсняхъ Великорусскихъ и Украинскихъ. На примѣръ:

«А машь плачешь, *што* рѣка льешя;
«Сестра плачешь, *што* ручьи шекушь;
«Жена плачешь, *што* роса падешь:
«Взойдетъ солнце, росу высушишь.»

Въ Украинской Пѣсни на смерть Свирговскаго:

«А изъ низу хмара спягала,
«*Що* воронѣвъ ключа (2) набѣгала.»

в) Наконецъ прешій оборотъ положительнаго подобія состоишь въ простомъ споспавленіи или сближеніи подобныхъ предметовъ, и есть простое *соотвѣтствіе* (параллель). На примѣръ въ Пѣсни Игорю: «Солнце свѣспиися на небесѣ: Игорь Князь въ Русской земли.»

Въ образѣ такого соопвѣшспвія нерѣдко вспрѣ-

(1) Въ двухъ послѣднихъ опривкахъ ша грамматическая особенность, что глаголы *плаваеши* и *рыкають* въ числѣ своемъ согласованы не съ уподобленными предметами, къ коимъ относятся, но съ числомъ предметовъ, отъ коихъ взято подобіе.

(2) *Клюга* значить спая, спаница. Вошь новое слово для объясненія *клюгей* Олеговыхъ.

чаются подобія и въ Великорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ ; на примѣръ :

« Упадаетъ звѣзда поднебесная,
« Угасаетъ свѣча воску яраго :
« Не шановишься у насъ Царевича.»

или

« Цвѣли, цвѣли цвѣшики, да поблекли ;
« Любилъ меня милой другъ, да покинулъ.»

Но въ Украинскихъ Пѣсняхъ такое соопвѣщенствіе или споспавленіе естъ господствующій образъ подобія. Оно даетъ обыкновенно начало Пѣснямъ ; на пр.

« Ой въ полѣ верба да похилилася ;
« Чого-сь моя милая да зажурилася.»

Но часно соопвѣщенствіе продолжается на нѣсколько спрофъ, какъ на примѣръ въ Пѣсни :

« Спощишь яворъ надъ водою, въ воду похилився ;
« На козака пригѣдонька, козакъ зажурився.»

Нерѣдко же оно проспирается на всю Пѣсню, такъ что вторая половина ея соспавляетъ соопвѣщенствіе первой.

2) Другой видъ подобія естъ *отрицательный*, такъ называемый пошому, что здѣсь подобіе принимаетъ образъ отрицанія. Пѣвецъ Игоря разговоръ Гзака и Кончака хочеть уподобить спрекошу сорокъ, но выражается такимъ образомъ : « А не сорокы вспроскошаша : на слѣду Игоревъ ѣздишь Гзакъ съ Кончакомъ.»

Отрицательныя подобія особенно любимы Великорусскою народною Поэзіей. На примѣръ :

« Не соколь лешаль по поди́бесью,
« Что ходилъ гулялъ доброй мѣлодецъ.»

или

« Не березонька со березою совивалася,
 « Красна дѣвица со молодчикомъ совыкалася,
 « Какъ совыкшись она разсавалася. »

Можно нѣсколько примѣровъ оприцашельнаго подобія указать и въ Украинскихъ Думахъ (*). Такъ въ Думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго :

« То не чорни хмары ясне солнце заснували,
 « Не буйныя вѣтры въ шемнѣмъ лузѣ бушовали :
 « Козаки Хмельницкаго ховали,
 « Батька свого оплакали. »

Оприцашельныя подобія встрѣчаются и въ Поэзіи Новогреческой.

3) Наконецъ естъ еще прешій видъ подобія, изъ соединенія двухъ первыхъ происходящій, который поному и называю *положительно-отрицательнымъ*. Въ немъ сначала спавится подобіе положительное, потомъ оно повпорядку въ образѣ оприцанія, наконецъ слѣдуетъ самый удоблемый предметъ (что въ двухъ прежнихъ видахъ составляетъ впорую часть подобія).

Такой прехчленный оборотъ Пѣвецъ Игора употребилъ, продолжая вышенприведенное изображение Бояна слѣдующимъ превосходнымъ представлениемъ его пѣнопѣнія.

« Тогда пуцашеть (Боянь) десять соколовъ на
 « стадо лебедей, который допечаше, ша преди
 « пѣсь пояще — спарому Ярославу, Храброму Мспи-
 « славу, иже зарѣза Редедю предъ плѣкы Каюжь-
 « скыми, красному Романови Свяшѣславичю.

(*) Смотри еще въ Думахъ о Федорѣ Безродномѣ и объ Иванѣ Коваленкѣ. Примѣровъ изъ Песенъ Украинскихъ не припомню.

«Боянь же, братіе, не десяць соколовъ на спа-
« до лебедей пуцаше;

«Нъ своя вѣщія прѣспы на живая спруны въ-
« складаше: они же сами Княземъ славу рокошаху!»

Сей видъ подобія, хопя рѣдко, встрѣчаешся еще
въ Украинской и Великорусской народной Поэзіи,
а пакже и въ Поэзіи Сербской (см. Глаголева Осн.
Слов. Ч. I).

Въ Украинской Пѣсни:

«Ой по горамъ снѣги лежашь,

« По долинамъ воды спояшъ,

« А по шляхамъ маки цвѣшуть :

« То-жь не маки, а чумаки —

« Зъ Крыму идушь, рыбу везушь.»

Въ святошной Великорусской Пѣсни:

« Скачешъ грузочекъ по ельничку,

« Ищешъ грузочекъ бѣляночку :

« Не грузочекъ скачешъ — дворянскій сынъ ;

« Не бѣляночки ищешъ — дворяночки.»

II. Всѣхъ сихъ видовъ подобіе я назвалъ про-
спымъ, желая чрезъ шо опличишь другой родъ
подобія, когда Пѣвецъ цѣлою картиною Природы
хочешъ изобразишь какое-либо сложное дѣйствіе.
Эшо собственно шо, что называется аллегоріею.
Хопише ли видѣшь Русскій образецъ аллегоріи, и
вмѣстѣ прекрасный образецъ исторической живо-
писи картиною Природы надземной? Посмотри-
те, какъ Пѣвецъ Игоря изображаешъ шествіе
Половцевъ на поражение чепырехъ Русскихъ Кня-
зей при рѣкѣ Каялъ.

« Другаго дни вельми рано кровавыя зѣри свѣтъ
повѣдаюшъ. Чръныя шуча съ моря идушь, хопяшъ
прикрыши чепыри солнца; а въ нихъ шрепешушь

синіи мльніи. Быши грому великому! ишши дождю спрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламашу; шу ся саблямъ попручаши о шеломы Половецкыи, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго!»

Не правда ли, что всякая подробность эпической картины красота, — и эта кровавая предвѣспница грознаго дня, и вся гроза, гошова я уже разразилась и грянушь дрожащими въ ней, какъ бы опъ ярости, сильными молніями и губительнымъ дождемъ спрѣлъ своихъ! И какое прекрасное и сильное движение рѣчи, и выраженіе образцово-Русское!

Въ разсказѣ Боярь Свяшославу о пораженіи Сѣверскихъ Князей на прешій день битвы продолжается эта картина.

«Темно бо бѣ въ прешій день: два солнца по мѣркоста — оба багряная сплѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца — Владиміръ (*) и Свяшъ-славъ — пѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ пѣма свѣщъ покрыла!»

Сходная съ первою картиною встрѣчается въ Украинской (IV) Думѣ о *Наливайкѣ* — картина приближенія Польскихъ войскъ къ Чигрину, но уже слабѣйшей кисти.

«Изъ-за горы хмара вышупае, — вышупае, выхожае,
«До Чигрина громомъ выгрѣмляе,

(*) Въ подлинникѣ споймъ «Олеги и Свяшъ-славъ» — но это по опискѣ: ибо не 8-лѣшній *меншакъ* Игоревъ Олегъ былъ въ плѣну, а Владиміръ Игоревичъ, о комъ говорится и въ концѣ Пѣсни. Самая обмолвка эта, равно какъ и называніе набавишела Игорева, не по льшописямъ *Лавроми*, но «Влуромъ и Овлуромъ» подтверждаетъ нѣкошорымъ образомъ, что Пѣвецъ Игоря былъ его современникъ и припомъ приближенный къ нему, а можеть бытъ и участникъ въ его походѣ.

«На Украинську землю бліскавкою блискае :

«То Поляки черезъ при рѣки при переходы мали,

«Да и билы прешѣго переходу спаномъ спали.»

Замѣшивъ надобно, что уподобленіе Князей и власпишелей свѣшиламы весьма любимо въ народѣ Русскомъ, какъ уже видѣли вы и по опривкамъ вышеприведеннымъ (о смерти Царевича и Гепмана Хмельницкаго). Такъ въ стариннѣйшихъ Пѣсняхъ Владиміръ Великій называется *солнцемъ*.

«Въ славномъ городѣ Кіевѣ,

«У Князя у Владиміра,

«У солнышка у краснова.»

Такъ и Неспоръ изображаешъ предпечу Христіанства Русскаго, блаженную Ольгу: «Аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣпомъ; си (*) бо съяша, аки луна въ нощи.» Пошому въ описаніи возвращенія Игорева начальныя слова «Солнце свѣпшися на небесѣ: Игорь Князь въ Русской земли» имѣюшъ красоту народно-поэтическую, особенно послѣ того, какъ предъ походомъ Князя солнце закрылось полнымъ запмѣніемъ и покрыло шмоу воинство его.

Изъ слѣдующаго опривка можно видѣшъ, что у Пѣвца и аллегорія принимаешъ иногда образъ оприцанія: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая: галици спады бѣжашъ къ Дону великому.» Пѣвецъ хочешъ сказаши, что къ Дону бѣгупъ не Русины, но полки Половецкіе. Впрочемъ здѣсь оприцаніе не въ оборотѣ только рѣчи, не кажушееся, но настоящее оприцаніе; *противоположе-*

(*) Си въ древнихъ памятникахъ означашъ сія.

не здѣсь аллегорическое, въ другихъ мѣстахъ Пѣсни прямое, которое Пѣвецъ любилъ употреблять для сильнѣйшаго выраженія себя.

Разсмотрѣвъ сіи опредѣленные виды подобія у Пѣвца Игоря, мы можемъ изъяснить себѣ, отъ чего Пѣснь его отличается вообще чрезвычайною *изобразительностію* выраженія. А какъ любимѣйшія и главныя краски его живописи суть птицы и звѣри, которые такъ часно встрѣчаются и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ,—по я почишаю неизлишнимъ, въ заключеніе о семъ предметѣ, предскажи вамъ ихъ значеніе въ народной Поэзій нашей.

Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей.

1) Изъ птицъ всѣхъ чаще встрѣчается въ Пѣснѣ *соколы* почти всегда избивающимъ птицъ (особенно гусей и лебедей), въ слѣдствіе соколиной охоты, споль любимой и споль всеобщей въ снанину. Соколы еспь символъ *храбрости и быстроты въ нападеніи*.

Игорь нѣсколько разъ предскавленъ соколомъ, а вмѣстѣ съ нимъ уже и братья его Всеволоды.

«О, далече зайде соколъ, птицъ бѣа къ морю; а Игорева храбраго пѣлку не крѣснии (*не воскреситъ*)!»

«Се бо два сокола слѣдѣша съ огня сполла злаша поискати града Тьмупороканя, а любо испиши шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями; а самаю опушаша во пушины желѣзны.»

Въ погонѣ за Игоремъ Гзакъ говоришь Кончаку о *Соколицѣ*, плѣнномъ сынѣ Игоря: «Аже соколь къ гнѣзду лешипъ, соколича разспрѣляевъ своими злачеными спрѣлами.»

Уподобленіе Романа (Галицкаго) и Мснислава соколу приведено выше сего.

Свяшославъ, говоря о воинской храбросни, восклицаетъ: «А чи диво ся, браніе, спару помолодѣши? Коли соколь въ мышехъ бываешъ, высокошищъ възбываешъ, не даешъ гнѣзда своего въ обиду!»

Наконецъ и 10 *вѣщихъ першовъ Бояна у Пѣвца* падають на живыя спруны, какъ 10 соколовъ на спада лебедей.

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣніи:

«Онъ (Волхъ) обернешя яснымъ соколомъ,
«Полешълъ онъ далече на синѣ море,
«А бьешъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей.»

2) *Живая* спруна Бояна, копорая *сама* гремишь (*) пѣснь славы Князьямъ, уподобленная *лебедю*, напоминаетъ намъ лебединое пѣніе классической Мифологіи, показываешъ, что лебедь и у Пѣвца нашего былъ *символомъ пѣнія и звука вообще*. Такъ и въ Украинской Думѣ о *Коповгенкѣ* чипаете:

«Не ясенъ соколъ на долинь по шабору гулле,
«Не бѣлая лебедь спѣвае:

(*) Эпитетъ *живая* спруна встрѣчается и въ другихъ старинныхъ повѣстяхъ (напр. о *Лазарѣ*); поэтическая же мысль, что спруны *сами* рокочуть славу, образовалась въ цѣлой вымыслъ о *гусляхъ самогудахъ*.

« Полковникъ Хвилоненко похожае,
« Словами промовляя.»

3) Но эмблеммою Пѣвца, по всемірному употребленію, служивъ лучшей изъ пернапныхъ пѣвцовъ — *соловей*, кошорый своимъ « щекопомъ » воспѣваешъ и славу полковъ, и приближеніе свѣша солнечнаго (*).

4) Пареніемъ *сизаго орла* выражается полешъ поэпического « ума » или « замышленія » Боянова.

5) Зетзищъ, п. е. кукушкѣ (по Украински *зозуля*) уподоблена Ярославна, поскующая одиноко по своему Игорѣ. Пшица сія, по природѣ своей сиропспивующая, лишенная радости насиживашъ гнѣздо и заботишъся о семьѣ своей, ешъ вѣрный символъ *сиротства и родственной пегали*.

И въ Украинскихъ Пѣсняхъ, гдѣ пакъ сильно развишо сіе чувшво, всегда *зозуля* прилепашешъ пуживъ надъ неоплаканнымъ шрупомъ: эшо живая печаль машери или сеспры.

Умеръ чумакъ:

« Насыпали чумаченьку високу могилу,

« Посадили на могилу червону калину.

« Прилешѣла зозуленька, да й сказала: кѹ-ку!

« Подай, сыну! подай, орле! хочъ правую рѹку!

— « Ой радъ бы я, моя маши, обѣ-двѣ подаши,

« Да налигла сыра земля, не можно подняши!»

(*) Голоса пшиць въ П. И. выражаюшся слѣдующими словами: у ворона — *грай*, онъ *граешъ*; у галки — *говорѣ*, она *говоривъ*; у сороки — *троскотѣ* (*), она *троскотешъ*; у соловья — *щекотѣ*, онъ *щекотешъ*; у дятла — *тектѣ*; у орла — *клектѣ*.

(*) Въ Церковныхъ Писаніяхъ *троскотѣ* означаешъ праву поле-вую; *троскотати* — шрецашъ, лопашъся.

Подъ Саворь, могилою, умерь казакъ, бѣжавшій
изъ Азова; шрупъ его поклевали пшцицы :

«Вовки-сѣроманьци набѣгали, шѣло козацьке рвали,

«По шѣрнахъ, по балкахъ жовшу кѣсть жваковали,

«Жалобненько квилали, проквилали (1) —

«То жъ вонѣ козацькѣ похоромы одправляли.

«Де-ся взялась сиза зозуленька,

«Въ головкахъ сѣдала, жалѣбно кувала,

«Якъ сестра брата, або мами сына оплакала.»

Въ Великорусскихъ Пѣняхъ эпопѣй плачь ма-
шери надъ сыномъ изображаешся не кукушкою, но
ласпощкою :

«То не ласпощка, не касашочка

«Кругъ шепла гнѣзда увиваешся :

«Убиваешся шупъ родная машушка.»

Въ свадебныхъ Пѣсняхъ Украинскихъ плачущая
невѣста, когда уводящъ ее опъ машери къ жениху,
представляешся обыкновенно кукушкою (а оплу-
чающіе ее опъ родной семьи дружки—галками) (2).

Кромѣ того кукушка въ Украинѣ починаешся
въщю пшцицею, у кошпорой спрашивающъ, сколько
лѣтъ живъ, скоро ли выйши замужъ и ш. п. То же
самое и у Липовцевъ, у коихъ ешъ повѣрье, что
въ кукушку обратилась сестра, шосковавшая о
смерши прехъ брательвъ;—ешъ и Пѣсня, гдѣ въ видѣ

(1) Во второй спашѣ изъяснено уже это слово и оплщено опъ
цѣдлити: оба они ешъ въ Волынской Лѣпописи.

(2) Таковы напримѣръ свадебныя (*сесблнвил*) пѣсни: «Закувала
зозуленька у садочку»; — «Ой лешашъ галочки.» — Спрош-
шво дѣвицы на чужбинѣ выражено въ Пѣсни: «Ой лешла
зозуленька черезъ поле, гай.»

прехъ кукушекъ надъ мершвецомъ поскуютъ жена въ ногахъ, сеспра въ головахъ, а машъ у сердца (*).

б) Противоположное значеніе симъ птицамъ иѣвешъ *воронъ* и однородники его *галка* и *сорока*. Противоположность ворона кукушкѣ опноситель-но смерти чловѣка выражена прекрасно цѣлою Пѣснею казацкою про смерть.

« Ой недай же Боже, у Польщѣ умерши,
« Тамъ ништо не посумѣе о швоеи смерти.

« Толькѣ-жь воронъ воронъ прилешинъ до тебе,
« Да ѣ сяде на тебе, да ѣ поклое тебе.

« Ой поклое тебе, да и перешае;
« Прилешинъ зозуля, да ѣ плакаши спане.

« Толькѣ-жь воронъ да зозуля ѣ будущъ тебе знаши;
« Толькѣ-жь одна зозуленька ѣ буде сумоваша!»

Пошому и поганый Половчинъ названъ чернымъ ворономъ въ Пѣсни Игорю, шакъ же, какъ въ Великорусской Пѣсни (« Не ошъ шучи, не ошъ грома »), гдѣ плѣненный Краснощековъ предшавленъ *соколомъ*, Турки называются *черными воронами*.

Воронъ въ нашей Поэзіи всегда не добрая примѣпа, всегда является на горе; его карканье («во-роно-трай») всегда зловѣщій голосъ, какъ во снѣ Святославовомъ:

• Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ
« Да на глыбокѣй долинѣ;
• Ой плаче, плаче молодой козаче
« По несчастливѣй годинѣ. »

(*) См. С. Опеч. 1836 года, № 16.

7) и 8) Подобное значеніе въ Пѣсни Игорю имѣюшь галка и сорока. Вспомните, какую «свою рѣчь говоряхушь галици,» когда собрашья ихъ вороны дѣлили между собою прупы. Полки Половецкіе также названы у Пѣвца галичьими спадами въ противоположность соколамъ—Русинамъ; а разговоръ Половецкихъ Хановъ уподобленъ спрекому сорокъ.

Вопъ еще карпина ночи предъ биввою съ Половцами: «Дльго ночь мркнешъ; заря-свѣшъ запала; щекопъ славій успе; говоръ галичь убуди.»

Вопъ противоположная карпина разсвѣша, предъ возвращомъ Игоря на Русскую землю: «Тогда врани не граяхушь, галици помлькоша, сорокы не проскошаша; по лозію ползоша шолько дяшлове, шекномъ пупъ къ рѣць (ш. е. *Дону*) кажушь; соловіи веселыми пѣсьми свѣшъ повѣдаюшь.»

Здѣсь весь родъ вороній предсавленъ въ противоположности съ соловьемъ — вѣспникомъ свѣша, и дяшломъ — показашелемъ пупи на родную землю.

Въ Украинской Поэзіи сорока являешся еще подобно ворону на прупахъ (*Дума V*); но галка сдѣлалась любимымъ *символомъ разлуки*, упрашивъ прежнее непріязненное значеніе; примѣры шому увидимъ при разборѣ Украинскихъ Пѣсень.

Чшо касаетшя до звѣрей, шо всего чаще въ Пѣсни Игорю встрѣчается *волкъ*, служащій для выраженія *быстраго бѣга по земль*. Эшо видѣли мы уже въ изображеніи бѣгущаго Игоря, Курской дружины, и замышленія Бояна (какъ Пѣвца историческихъ собышій на земль Русской, копорый по словамъ

Пѣвца Игоря, «искалъ въ пропу Трояню чрезъ поля на горы»). Кромѣ того, по словамъ Пѣвца Игоря, *волкомъ* скакалъ и искалъ Всеславъ Полоцкій, бѣжалъ къ Дону Гзакъ, и Влуръ слѣдомъ за Игоремъ изъ плѣна.

Неспоръ, въ описаніи Святослава, быспропу его сравниваетъ съ *пардусомъ*. «Легко ходя, акы пардусъ, войны многы шворяше.» — И Пѣвецъ Игоря упоминаетъ одинъ разъ о семь звѣрѣ (1), говоря, что «по Русской земли проспрошася Половци, акы *пардуже гнѣздо*.»

Но важнѣйшій изъ звѣрей — *символь храбрости и силы* есть *туръ* (2) — красивый, дикій, нынѣ весьма уже рѣдкій быкъ (*urus*); онъ назывался прежде у насъ, у Чеховъ, у Лишовцевъ *туромъ* (онъ Лаш.

(1) Изъ Кіевской Лѣтописи видно, что въ половинѣ XII вѣка Олегъ Святославичъ Юрію Долгорукому, а Святославъ Ольговичъ Ростиславу подарили *пардуса*, какъ рѣдкаго звѣря. — Тамъ же видно, что въ числѣ подарковъ были и дорогіе *оксамиты*, о коихъ упоминается въ П. И. Сія шелковая ткать, равно и какаѣ-то другая ткать — *орѣтма*, уже по именамъ своимъ, суть Греческія, и безъ сомнѣнія получались изъ Греціи вмѣстѣ съ *патоками* и другими предметами роскоши. Названіе оксамита теперь у большой части Славянъ усвоено собщвенно бархату, хотя въ началѣ, можетъ быть, шелковая ткать оксамитъ и не была по именно, что нынѣ бархатъ (*аксаймитъ* въ Грехъязч. Слов. переводится *sericum, holosericum*). — Въ Церкви. Слов. Алексѣева (по описанію соборной ризи.) *аксаймитъ* — изъясняется именно золотымъ бархатомъ или шпиринною парчею; а *двоєморхъ* — рышій бархатъ.

(2) Съ симъ шуромъ-быкомъ не должно смѣшивать Кавказскаго *тура-барани*, коего крѣпкіе и большіе рога (извѣстные подъ именемъ *турскихъ*) употребительны понинѣ вмѣстѣ спощь или кружекъ для вина, особенно у Грузиновъ; искусные вливаютъ въ роги цѣлый рогъ вина, не допрогиваясь до губъ.

(аири); но также и Польскимъ именемъ—*зубремъ*(*) . За нимъ любили охопиться въ спарину, какъ видно (кромя Царедворской рукописи Чешской) изъ Пouchенія Владиміра Мономаха, который, рассказывая о своихъ *ловахъ* звѣриныхъ въ Черниговѣ, говоритъ: «Тура мя два мешала на розѣхъ.» Въ Пѣсни Игорю, какъ уже знаете вы, *буй-туромъ* (и *яр-туромъ*) называется удалый Всеволодъ; дружина Рюрика также уподоблена шурамъ. И Волынская Лѣтопись описывая «великаго и памятнаго» Романа Галицкаго, говоритъ: «Храборъ же бѣ, яко и шуръ; ревнова же дѣду своему Мономаху.» — Въ Царедворской рукописи Ярославъ скакалъ «якъ шуръ ярый.»

Въ спаринныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ, по содержанію относящихся къ Владиміровскимъ богатырскимъ временамъ, часто упоминается о шурѣ и обращеніи въ онато нашихъ богатырей. Такъ въ пѣснопѣніи о *Волхѣ Всеславьевичѣ* :

- «Въ-та-пори поучился Волхъ ко премудростямъ :
 «А и первой мудроси учился —
 «Обершывавъся яснымъ соколомъ ;
 «Но другой шо мудроси учился онъ Волхъ —
 «Обершывавъся сѣрымъ волкомъ,
 «Ко третей шо мудроси учился онъ Волхъ —
 «Обершывавъся *гнѣдымъ туромъ*— золотые рога.»

(*) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть оврагъ, называемый *Цуприцкиль* *Долб*: не есть ли это испорченное слово *Зубрицкій*, и не водвался ли тамъ встарину зубри?

О повтореніяхъ.

Вспрѣчая частое повпореніе нѣкоторыхъ подобій у Пѣвца, приписываешь оное не бѣдности, но вѣрности его воображенія. Изъ небогатой природы своей онъ избралъ не многія, но прочныя краски для картинъ своихъ, и они у него любимыя, привычныя, соспавляютъ опличіе и характериспику его живописи. Такое однообразіе красокъ свойственно особенно народной Поэзіи и соспавляетъ въ ней красоту; хопя и въ искусственной Поэзіи есть свои привычныя краски, имѣющія повсюдное и всегдашнее употребленіе, но опъ того не шеряющія своего достоинства, ибо оно истинное; на пр. роза, лилія.

Повтореніе извѣстныхъ словъ и цѣлыхъ рѣченій въ народной Поэзіи имѣетъ особенную значительность, есть поспоянная, опличительная ея принадлежность, соспавляетъ иногда особенный образъ въ пѣснопѣніи. Поэтому слѣдуетъ обращить на него особо вниманіе и въ Пѣсни Игорю.

1) Сюда во-первыхъ принадлежатъ поспоянное повпореніе нѣкоторыхъ *словъ*. Я разумю особенно *постоянные эпитеты*, усвоенные разнымъ вещамъ и лицамъ, и всегда къ нимъ прилагаемые. Сей Гомерическій обычай усвоенія поспоянныхъ эпитетовъ есть общая принадлежность Поэзіи народной. Такъ въ Пѣсни Игорю встрѣчаешь многіе эпитеты, совершенно народные, сохранившіеся и любимые донынѣ, преимущественно въ Велико-русской народной Поэзіи; нѣкоторые же изъ нихъ

вспрѣчаюцца у другихъ Славянъ, и попому должны бышь весьма древніе. Таковъ на пр. эпипешъ *красная*; въ Пѣсни Игорю красная дѣвица, красныя дѣвы Гопскія, красныя дѣвки Половецкія, красная Глѣбовна; у Неспора — красныя жены; въ Спаро-Чешскихъ Пѣсняхъ — красна дѣва. Эпипешъ сей уопребищелень въ Великорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ; но въ Украинскомъ явыкѣ почши совершенно упранился (*). Слѣдующіе эпипешы изъ Пѣсни Игорю понынѣ оспаюцца любимыми эпипешами Великорусскими: звѣрь *лютый* (пожъ въ Поуч. Моном.), конь *борзый*, море *синее*, поле *чистое*, спрѣла *каленая*, воронъ *черный* (и въ Украинск. П.). Орель названъ *сизымъ* (въ П. И. шизый) и по Украински; волкъ въ П. И., называемый *сѣрымъ* (однажды *босымъ*), въ Украин. Думахъ называется *сѣроманцемъ*. Мечи и копя въ П. И. *харалужныя*; въ Великорус. Пѣсняхъ уопребищельны *булатный* мечъ, ножъ. Донъ у Пѣвца именуется иногда *синимъ*, но чаще и собспвеннѣе *великимъ*; а въ Великорус. Пѣсняхъ — *тихимъ*, иногда же *Дономъ* (или *Дунаемъ*) *Ивановичемъ* (опъ Ивановскаго Озера), подобно чему въ П. И. Днѣпръ названъ *словутичемъ* (ш. е. сынъ славы, славичь). Половцы поспоянно называются *погаными*, какъ послѣ называли Татарь. Къ симъ эпипешамъ принадлежанъ и *прозванія* разнымъ лицамъ: въ П. И. Боянъ называется *вѣщимъ*, Все-

(*) Въ П. И. уопреблено еще слово: *любая дѣвица* («връже Всеславъ жребій о дѣвицѣ себѣ *любю*»): въ такомъ смыслѣ и въ Украин. П. встрѣчается *любая*, *милая дѣвина*; но вмѣсто красна — *сарна*, *моторная*.

володь *Буй-Туромъ* (Ярь-Туромъ и проспо Туромъ по разу); Ярославъ Галицкій *осмомысломъ*, при Мспиславича — *шестокрыльцами*; шакъ еще и прежде Олега называли *вѣщимъ*, Мспислава Тмушороканскаго (въ П. И.) *храбрымъ*, Романа *краснымъ* (въ П. И.)

Всѣ эти эпитеты происходятъ и существуютъ отъ желанія означить предметъ наименованіемъ существеннаго, главнаго его свойства, и отъ народнаго понятія и вкуса. При этомъ они, особенно у Русскихъ, заимствуются иногда отъ самаго имени предмета, въ коемъ заключается уже его опредѣленіе, на пр. чудо чудное, диво дивное, воля вольная (*); либо же соспавляются повшореніемъ того самаго или близкаго слова, иногда шолько въ другомъ видѣ, на примѣръ: горе-гореваньицо, пированье почестивый пиръ, родъ-племя, молодо-зелено, кричмя кричишь; въ Украинскихъ Пѣсняхъ часто встрѣчается: шрудно-нудно, пязжко-важко. Къ такимъ выраженіемъ въ П. И. принадлежатъ слова: «заря-свѣтъ, — свѣтъ свѣпльй»).

2) Что касается до *повторенія рченій*, то оно шакже и естественное, и часто соспавляется красому. Удачно сказавшееся рченіе врѣзывается въ память, спановишся любимымъ и привычнымъ, обращается въ поговорку. При подобномъ случаѣ оно гошное уже повшоряется, какъ бы само собою, и этимъ припоминаніемъ производишь удвоенное впечатлѣніе. Потому Поэты иногда шакъ удачно повшоряюшь себя въ своихъ начальныхъ,

(*) Какъ въ Зендавестѣ *вбгна я вбгноств*.

либо окончательныхъ стихахъ; пошому въ Рипорикахъ соспоались особыя Фигуры рѣченій: *единонагатіе, единооконганіе*, произошли *Триолеты, Рондо* между формами стихопворными.

До какой степени повпореніе себя любимо нашею народною Поэзією, эпо увидимъ еще въ свое время; шеперь же приведу рѣченія, повпоряющіяся въ Пѣсни Игорю.

О выраженіи: «шипъ Донъ шеломомъ» я говориль уже.

У Пѣвца однажды повпорилось изрѣченіе: «Ищучи себѣ чпи, а Князю славы» объ Русскихъ войнахъ, гошовающихся на бишву съ Половцами, — въ заключеніи 2 и 3 Главы.

«О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!» дважды восклицаетъ Пѣвецъ, по вспуленіи Русичей на чужую Половецкую землю, и предъ роковою бишвою; и какъ глубоко эпошъ вздохъ по Русской землѣ, на кошорую уже не воропились воины Игоревы!

«А Игорева храбраго плѣку уже не крѣсиши!» повпорено шакже Пѣвцомъ, при воспоминаніи о плѣнѣ Игоря и о новыхъ бѣдспвіяхъ опъ Половецевъ (эпи же слова у Нестора говоришъ Древлянамъ Ольга про своего Игоря: «уже мнѣ мужа своего не крѣсиши!»).

Три воззванія Пѣвца къ Князьямъ о помощи оканчиваются одинаково: «За землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Свяшпславлича!»

Наконецъ, печаль прибережной природы о гибели Игорева полку на Каялѣ и о смерти Ро-

спислава въ р. Спугнѣ изображается одинаково: «и древо съ шугою къ землѣ преклонилось.»

Не правда ли, что все это выраженія такіа, кои спюили повшоренія, и въ такіихъ случаяхъ, гдѣ могли повшориться сами собою?

Не менѣе прекрасно и повшореніе словъ: «Ярославна рано плачешъ въ Пупивлѣ, на заборолѣ аркучи» въ началѣ каждой строфы ея Пѣсни, хотя такое повшореніе относится собственно уже къ наружному виду Пѣсни.

Объ языкѣ.

Языкѣ Пѣсни Игорю по *составу* своему, ш. е. въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Неспора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской Лѣтописи; но въ немъ еще болѣе чѣмъ, въ нихъ, замѣтно (какъ я прежде говорилъ уже) бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Словенскимъ. И это попому, что Пѣснь Игорю есть произведеніе мірское, поэтическое и припомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкѣ у насъ начиналъ уже измѣняться противъ первоначальнаго, древняго своего вида; и хотя на немъ писали, а вѣроятно и говорили тогда книжные и Духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже *старый* языкѣ; во вседневномъ же употребленіи былъ у нихъ другой, свой природный, обласный языкѣ, уже нѣскольо развившійся (особенно въ Южной Руси), хотя еще и не успановившійся.

Посему во внушрешнемъ составѣ языка Пѣсни Игоревоу видимъ сочепаніе двухъ спихій — книжной и народной. Языкъ Пѣвца Игоря спѣлькѣ жь особенный и шакъ же составился, какъ и въ наше время изъ новаго — книжнаго и народнаго — Русскаго составляющаго особенный языкъ какого-либо даровитаго, самоспоаятельнаго Писателя, по особенности его дарованія, понанія, намѣренія. Пѣвецъ именно хѣпѣль воспѣль походъ Игоря «спарыми словесы трудныхъ (*) повѣспій» по обычаю погдашнихъ Писателей, а можеть быль по желанію приблизилъ къ языку своего вдохновителя Бояна (XI в.): пошому у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое намѣреніе воспѣль «спарыми словесы» показываешъ уже, что былъ погда другой языкъ, опноительно Словенскаго *новгій*, упошребительный въ разговорѣ, а вѣрояшно и въ народныхъ пѣснопѣнїяхъ пого времени. Сей природный и привычный Пѣвцу языкъ былъ *Южно-Русскій (Сѣверской области)*, ибо Пѣвецъ безъ сомнѣнїа былъ Сѣверянинъ) и сего

(*) *Трудныхъ повѣспій* — значить здѣсь не *высокихъ сказаній*, не *трудную Повѣсть объ Игорѣ*, и даже не *прискорбную Повѣсть объ Игорѣ* (какъ у первыхъ издашелей, хотя они смыслъ Слова поняли вѣрнѣе другихъ), но именно *пегальныхъ Повѣстей*: ибо *трудъ* значить не только работу, но и печаль, и оправу (какъ въ II. II.), и въ древнїй періодъ у насъ Повѣсти, какъ видно, назывались *трудными*; въ среднемъ періодѣ — *улильновими*, что шакже значить *пегальными*. Судя по Пѣсни Игорю, и даже по немногимъ въ ней опривкамъ изъ Бояна, и по сему названію Повѣстей можеть заключить, что *пегальный тонъ* былъ свойственъ *народной Русской Поэзїи* уже съ древнихъ временъ; — поскою полна Поэзїа Украинская, ушлосьню проникнула Поэзїа Великорусская.

языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровъ Словенскаго. Опъ того у него находите одни и пѣ же слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ; находите слова и ихъ измѣненія, донинѣ сохранившіяся въ Украинскомъ языкѣ и не существующія въ языкѣ собственно Великорусскомъ (*).

(*) Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаний, относящихся къ сему предмету:

1) Въ П. И. находите по книжно-Словенской формѣ: *вранѣ, славій, гласѣ, градѣ, забрало, храбрый, брегѣ, себѣ*; и пѣ же слова по народной формѣ: *воронѣ, соловій, голоса, городѣ, заборолѣ* (и въ Кіев. Лѣт.; но болѣе не употребительна, измѣнилось въ *заборѣ*), *хоробрый* (вспрѣчается еще въ старинныхъ Думахъ и Пѣсняхъ Украинскихъ), *берегѣ, себѣ*. *Шеломѣ* и *комонѣ* употребляются постоянно по сей народной, уже утраченной у насъ формѣ; ибо *комонѣ* находится только у Карпатскихъ Руссовъ, и въ одной вышеприведенной Великорусской Пѣсни; а *шеломѣ* замѣнено Словенскою формою и сохранилось только въ названіи горы *шеломля*, и въ словѣ *ошеломитѣ*; видно, что шлемъ происходитъ опъ слова *тело*, также *прильница* (по же значащее слово) опъ *лобѣ*.

Но такую же двоякость находите и у Неспора Лаврент. Спис. (напр. Царьградъ и Царьгородъ, *кони* и *колони*; *права*, *корова* и по Украинскому выговору *коривѣ*), и у Мономаха (напр. *паки* и *опяте*, *властвѣ* и *солостѣ*, *тебѣ* и *тобѣ*). — Такимъ же образомъ въ народномъ языкѣ (Великорусскомъ и Южнорусскомъ): *прахѣ* и *порохѣ* (и въ П. И. *пороси*); *прахѣ* и *коробѣ*; *срамѣ* и *соромѣ* (въ Поуч. Моном.); *мракѣ* и *морокѣ* (у Неспора *люрогно*).

Въ П. И. встрѣчаете *единѣ* и *одинѣ*; поже и въ Поуч. Моном.; а въ Экзарховомъ Богословіи — *одинѣ*, *единѣ* и *ѣдинѣ*.

2) Такая же двоякость и въ измѣненіи словъ. Въ П. И. *хошу*, *хощеши* и *хотятѣ*; но и у Неспора не разъ найдете *хотятѣ*; и въ Экзарховомъ Прологѣ читаете: *хотятѣ разумѣти*.

Въ П. И. весьма употребительна форма 3-го лица (прѣдшаго времени), съ прибавленіемъ *тъ* и въ единственномъ (*блещтъ*, *свѣщется*) и въ множественномъ числѣ (*кикаютъ* —

Вопрь какимъ образомъ составился языкъ Пѣсни Игорю, сильный, живой, звучный и яркій, не смотря на его разноспихійность, песпропу и неспропность грамматическую. Эта песпропа есть характерная печать и Пѣвца и его вѣка, — какъ песпропа Теофанова языка есть выраженіе вѣка Пешрова и ума самаго Вишніи. Какой-нибудь на-

говоряхуть галки); такая же форма встрѣчается довольно часто и въ Лаврентьевскомъ Спискѣ Неспора (*угашеть, елаголашеть, укланяхуться*) и въ Лѣтоп. Новгородскомъ (*блаеть, угашеть*). — Подобно сему и полное и усѣченное окончаніе глаголовъ въ 5-мъ лицѣ (настоящаго времени) можно видѣть въ Украинскомъ языкѣ: *пише* и *пишетъ*, — *спѣвае*, *спѣваетъ* и *спѣваѣ*.

5) Что касается до именъ прилагательныхъ, то употребленіе оныхъ въ усѣченной (или коренной) и въ полной формѣ относится къ всегдашнимъ свойствамъ Русскаго языка, и народнаго и книжнаго; согласованіе же оныхъ съ окончаніями именъ существительныхъ хотя и часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, но едва ли можно сіе обратиться въ правило непрѣмное: ибо окончаніе прилагательныхъ именъ въ нашемъ языкѣ вообще весьма измѣнчиво, и это относится ко многообразію языка (не говорю уже о стѣхъ вольноспяхъ поэтическаго права, какія встрѣчаются не только въ пѣснопѣніяхъ и пословицахъ народныхъ, но даже въ писанныхъ стихотвореніяхъ, напр. Державина). Такъ въ П. И. находите: *храбра* и *храбраго*; въ Великорусскихъ Пѣсняхъ *мила* друга, *друга милаго*, по горамъ по *высокімъ*, по раздольцямъ по *широкімъ*. Можно бы эти случаи разнаго употребленія окончаній въ поэтическихъ произведеніяхъ оправдать складомъ, ибромъ, которыми и дѣйствительно опредѣляется и обуславливается это разнообразное употребленіе; но вы находите оное и въ прозаическихъ книгахъ Словенскихъ: въ Экзарховомъ Прологѣ — *могушу*, *даюшу*, *илмущему*; въ Богоедови: *илмущему*, *илмущому*; а въ Синодальномъ Евангелии 1144 года проспо — *илмущему*.

Въ Русскомъ языкѣ есть множесиво разнаго рода сокращеній и расплженій, и не только въ поэтическомъ (для склада)

жеткиѣ старинныхъ рукописей въ XVI вѣкѣ съумѣлъ бы лучше сладить съ языкомъ, а можеть бышь приблизился бы къ Пѣвцу Димитрія Донскаго, подражателю Пѣвца Игоря. Эпа двоякосшь въ языкѣ его Пѣсни и смѣшеніе двухъ стихій не должны бышь поводомъ къ сомнѣніямъ о ея древности: ибо по же находишся и въ другихъ древнихъ памянникахъ нашей Словесности, и въ существующемъ донынѣ народномъ языкѣ Русскомъ — и Сѣверномъ, и Южномъ — въ Пѣсняхъ, пословицахъ и рѣчи разговорной; наконецъ прочтите многія изъ недавно писанныхъ и даже современныхъ намъ Проповѣдей: по употребленію шамъ Словенскаго и Русскаго языка, не уже ли спросите: какого вѣка языкомъ онѣ писаны, хопя несомнѣнно въ XIX вѣкѣ?

но и въ разговорномъ. Напр. *знамѣ* (знаемъ), *своему* (своему), *для-шта* (для того что) и проч.

4) Въ П. И. есть многія слова, понынѣ сохравляюціяся въ Украинскомъ языкѣ и отчасти встрѣчающіяся въ другихъ древнихъ памянникахъ, напр. *туга* (печаль), *смага* (жаръ), *яруга* (оврагъ), *болонсе*. — Въ П. И. *конецъ поля* (п. е. на концѣ поля); и въ Украинскомъ это слово употребляетелъ какъ предлогъ: *конецъ перелога*, также какъ *край поля* (возлѣ поля).

5) *Годительный самостоятельный* падежъ находишся въ П. И., напр. *другаго дни* (вм. на другой день), *полуноци* (вм. о полуночи). — То же находишся и въ Украинскихъ Пѣсняхъ: *Зеленой недѣловки* (вм. въ Зеленую недѣлю), *ночной добы* (вм. ночью порою).

6) Къ часто замѣняется Ч и Ц; вмѣсто Ч встрѣчается Ц. Напримѣръ: *сѣки* и *сѣци*, *луки* и *луги*, *луци*; *плѣки* и *плѣци*; *Русити* и *Русици*; *луге* (вм. *луге*, какъ писали въ старину — *лугге*). Такъ и въ договорѣ Игоря и Кіев. Лѣтоп. вмѣсто *ти* (или) — *ци* («Мы есмь *ци* не Килзи?» говорили Князья Сѣверскіе).

Наконецъ оспается сказать еще о *складѣ языка* въ Пѣсни Игорю.

Здѣсь невольно приходишь вопросъ: была ли она сложенъ для пѣнья? Но рѣшишь это я не умѣю. Впрочемъ она могла быть пѣшою и не бывъ спиховореніемъ: церковныя Пѣсни наши, большею частію не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные *гласы*. А между пѣмъ видимъ, что Украинскія Думы бандуристы поюшь перемѣшанно, по свободнымъ говоромъ или речитативомъ, по опредѣленными напѣвами или голосами, и что онѣ сложены изъ спиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра. Съ другой стороны, во многихъ старинныхъ Русскихъ сказкахъ находимъ мѣрное печеніе рѣчи, изъ коей иногда выпадающъ даже правильные спи-

7) Нѣсколько словъ Татарскаго языка: *блѣганѣ, харалугѣ, салтани* весьма могли быть извѣстны прежде нашествія Монголо-Татарскаго, отъ другихъ Ордъ — Печенѣговъ, Половцовъ. Такъ въ XII вѣкѣ извѣстны были нашимъ Лѣтописцамъ *колуза* (кумысъ — въ Лѣтоп. Кіев.), — *Болванскій городокѣ* (въ Лѣтоп. Вятской или Хлыновской).

8) Нѣкопорые слова въ П. И. показались для иныхъ новыхъ, шаковы: *сабля, пѣлеса, кровашь, дорога, цыпѣпшій, давеча*. Но какъ это доказаны? скорѣе можно опровергнуть, подобіемъ другихъ словъ древнихъ и словенизмомъ ихъ корней; а кромѣ того, напр. слово *сабля* есть въ Неспоровомъ Временникѣ, гдѣ говорится о дани Полянъ *метали* Козарямъ, у коихъ были *сабли*.

9) Большаго вниманія и изысканія филологической критики заслуживающъ нѣкопорыя старинныя слова въ П. И., коихъ значеніе постигается болѣе по смыслу рѣчи, чѣмъ по другимъ памятникамъ языка; шаковы напр. *шерешира* (само-спрѣлы), *стрикуса* (параны или спѣнобой), *напорзи, стальба, бологомѣ, посапие тѣлковина* (кои Г. Глагодевъ ищетъ раздѣливъ шакъ — *тѣлко вино*).

хи. Но если бы эти сказки были некогда сказочными пѣснопѣніями и изъ нихъ преобразовались, по можно привести въ примѣръ другія, болѣе новыя, число сказочнаго, а не пѣснопѣвческаго вымысла, но сложенныя стихами, даже рифмованными, какіе удавалось мнѣ слышать отъ Русскихъ сказочниковъ. Наконецъ можно указать еще на многія пословицы или припѣчи: эти въ полномъ смыслѣ *изрѣченія* весьма часто и въ древности высказывались стихами созвучными. Слѣдственно, Пѣснь Игорю могла бытъ сложена стихами и не для пѣнія; и на оборотъ, могла бытъ пѣшою, не бывъ вся стихотвореніемъ. Поэтому складъ ея можетъ бытъ разсматриваемъ и независимо отъ вышесказаннаго вопроса.

Г. Воспоковъ (въ своемъ *Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи*, 1817), признавая вообще складъ П. И. прозаическимъ, говоритъ однако же, что она у него раздѣлилась на довольно равные и мѣрные періоды или стихи, но не можетъ имѣть отношенія къ (разобранному имъ такъ удачно) Великорусскому народному стихосложенію.

Г. Дубенскій (въ своемъ *Опытѣ о народномъ Русскомъ стихосложеніи*, 1828) полагаетъ, что П. И. была сложена изъ правильныхъ стиховъ — текзаметровъ.

Слѣдя въ П. И. гармоническое, вольное движеніе рѣчи ея, не лзя не замѣтить, что оно совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразноспройными волнами, кои Г. Воспоковъ называетъ періодами или стихами, и что изреди ихъ вырываются настоящіе стихи, иногда даже одно-

мѣрные, а иногда даже созвучные между собою, опглашающіеся понѣскольку на одну риѣму. Но сѣихи эши вообще несполь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народныя Великорусскіе, но сполько жѣ разнообразныя и вольныя, какъ сѣихи Украинскіе, особенно въ Думахъ (*). Спра-

(*) На все сіе можно привести достаточное число примѣровъ :

- 1) Изъ пѣсни Ярославны :
Жаждю имъ лѹчи сѣпряжѣ,
Тѹгою имъ шѹли зашчѣ.
- 2) Ту сѣ копіемъ приламаша!
Ту сѣ саблямъ попручаша.
- 3) Коли соколъ въ мытѣхъ бываешъ,
Высоко шпиць възбываешъ.
- 4) Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галицы спады бѣжашъ къ Дону Великому.
- 5) Темно бо бѣ въ трѣпѣ день:
Два солнца помѣркоспа,
Оба багряная сплѣна погасоспа.
- 6) Въ описаніи Всеслава (вѣроятно Болышовъ):
Всеславъ Князь людемъ судѣше,
Княземъ грады рѣяше,
А самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше.
- 7) Въ описаніи Олега :
Тѣи бо Олегъ мечемъ вранюлу коваше,
И стрѣлы по земли сѣяше...
Тогда по Руской земли рѣшко рашаевъ кихахушь;
Нѣ часп врани граяхушь...
А галицы свою рѣчь говоряхушь...
- 8) Изъ описанія Бояна :
—Который допечаше,
Та прѣди пѣсь поляше —
Спарому Ярославу,
Храброму Мстиславу.....
- 9) Тамъ же, далѣе :
... Не десяшь соколовъ на спадо лебедей пуцаше,
Нѣ своя вѣщія прѣспы на живая спруны вѣскладаше.

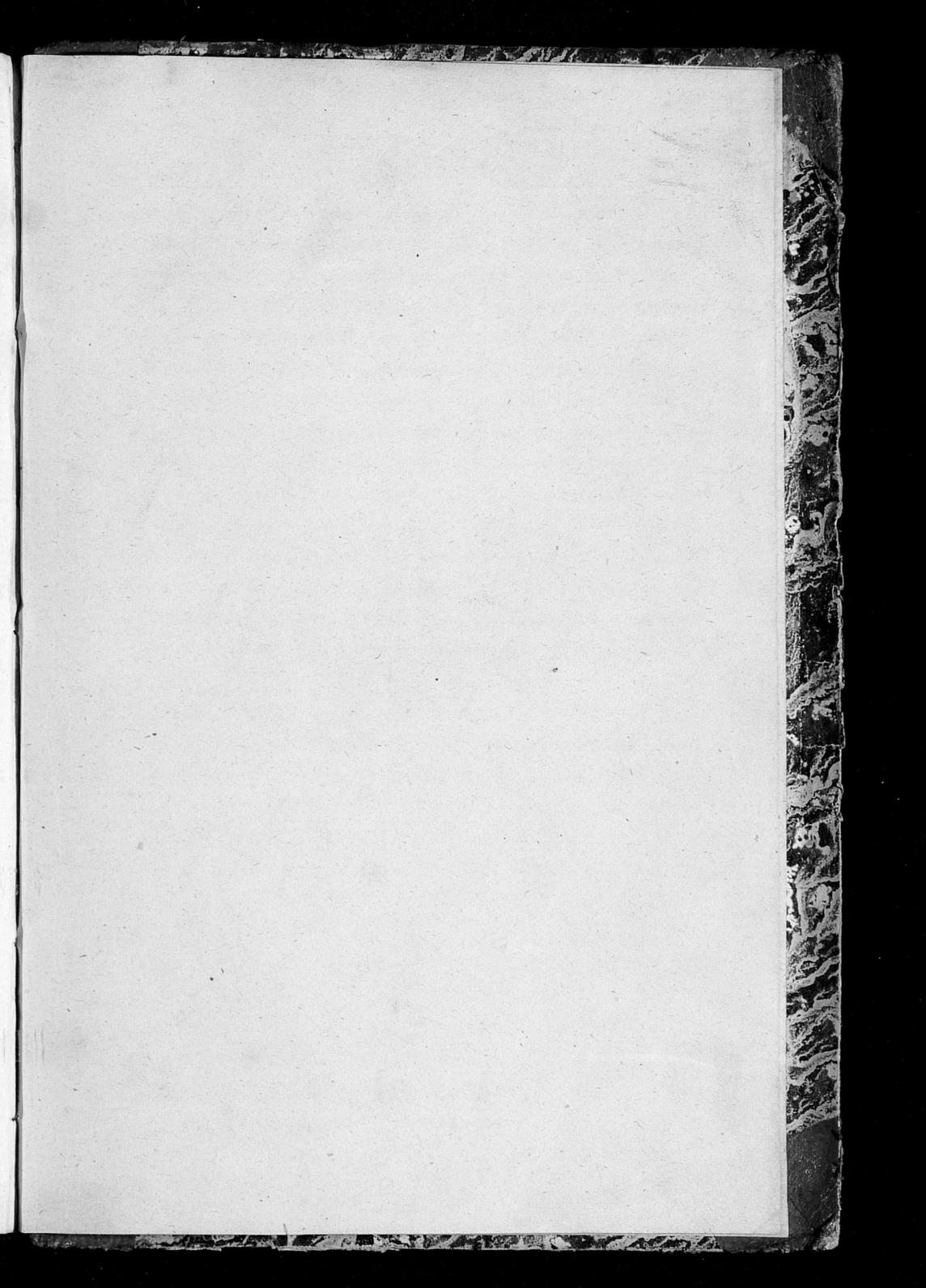
ведливо, что Пѣснь Игорю иногда сбивается на сказогный *Великорусскій складъ*; но какъ еще болѣе приближаются къ ней Думы Украинскія, особенно старинныя, по неопредѣленному, иногда большому числу спопъ въ стихахъ своихъ, звучащихъ разномѣрною, вольною гармоніею и созвучающихъ обыкновенно помногу на одну риѣму: пошому складъ Пѣсни сей правильнѣе назвашь *древнимъ повѣстнымъ складомъ Русскимъ*, который предшелъ сему же складу Украинской и Великорусской Поэзіи, и заключалъ въ себѣ зародыши обоихъ. Слѣдственно онъ имѣетъ къ нимъ близкое отношеніе вообще; а при эшомъ уже и складъ нѣсколькихъ въ ней наспоющихъ стиховъ имѣетъ отношеніе къ стихосложенію болѣе Украинскому, но также и Великорусскому.

Симъ кончаю замѣчанія мои о Пѣсни Игорю, которая завершила собою такъ прекрасно древнюю Русскую Словесность, и которую можно назвашь лебединою пѣснію Древней Руси.

10) Пѣсня Русскихъ жень:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
 Ни мыслію смѣслиши,
 Ни думою сдумаша,
 Ни очима съглядаша;
 А злата и сребра ни мало шогó потрепаша! —

[10]

Alphabet
Alphabet "Alphabet"

XXI 3 3

